

АННА МОВСЕСЯН
Кандидат филол. наук

О НЕКОТОРЫХ ПЕРЕЖИТКАХ ПЕРВОБЫТНОГО МЫШЛЕНИЯ В АРМЯНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. В в е д е н и е

Вопросы первобытного мышления привлекли внимание исследователей в последней трети прошлого века в связи с изучением жизни колониальных народов и накоплением большого количества этнографических материалов. Изучение этих материалов было осуществлено целым рядом выдающихся ученых Западной Европы. Начиная с знаменитого труда Л. Моргана (Lewis Morgan) „Древнее общество“,² в котором он наметил общую картину развития человечества из состояния первобытной дикости в состояние цивилизации, стали появляться исследования, посвященные подробному изучению отдельных общественных учреждений первобытных народов—семьи, собственности, форм правления, верований и т. д. Сравнительное изучение этих институтов было предпринято рядом ученых, антропологов и этнологов и, особенно, так называемой английской антропологической школой.

В Англии, колонии которой давали богатейший этнографический материал, возник к началу 70-х годов прошлого столетия „Королевский антропологический институт

¹ Диссертация, удостоившая автора ученой степени кандидата филологических наук.

² L. Morgan, Ancient Society or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilization, London, 1877.

Великобритании" (Royal Anthropological Institut of Great Britain), и здесь, блестящими трудами Эдуарда Тэйлора (E. Tylor), Герберта Спенсера (G. Spencer) и других создавалась известная эволюционная школа в этнологии, исходившая в своих исследованиях из естественно-научных принципов эволюционной теории, изложенной в трудах Дарвина, Гексли и др. Главой этой школы может считаться Тэйлор, труд которого „Первобытная культура“,¹ вышедший в 1871 году, составил эпоху в истории антропологии.

Тэйлору принадлежит, как известно, знаменитая теория анимизма, выдвинутая им для объяснения множества странных верований и обычаев, распространенных среди низших обществ. Самый термин „анимизм“, т. е. вера в существование душ и духов (от лат. anima „душа“) впервые введен в науку Тэйлором. По теории Тэйлора, первобытный человек, пораженный своими снами, в которых он видел отсутствующих или умерших людей, верил в объективную реальность этих снов. Его собственное существование казалось ему двойственным—в виде живой личности и отдельной души, которая может выйти из тела и появиться в виде призрака. Стараясь затем объяснить явления природы и установить их причины, „древние философы-дикари“ (выражение Тэйлора) применяли к ним свое объяснение снов. Во всех существах, за всеми явлениями природы они видели „души“, „духов“, „воли“, т. е. ту же двойственность, которую обнаруживали в себе самих. Таким образом, верования, обычаи, мифы и т. п. рассматривались Тэйлором, как порожденные потребностью дикарей в рациональном объяснении мира. Перед Тэйлором не вставал вопрос о различных типах мышления. Теория была основана на вере в „тождество человеческого духа“ у всех народов и во все времена, в то, что высшие умственные функции первобытных людей тождественны с нашими.

Последователи Тэйлора, виднейшие представители его школы Джеймс Фрэзер (J. Frazer), Эндрю Лэнг (A. Lang) и другие, применяя в своих исследованиях теорию Тэйло-

¹ E. Tylor, Primitive Culture. London, 1871.

ра, подробно разработали отдельные институты первобытных обществ. Так, Э. Лэнг в целом ряде работ¹ дает описание и объяснение института тотемизма австралийских дикарей. Фрэзер, в своем главном труде „Золотая ветвь“,² применяет гипотезу анимизма для объяснения всевозможных мифов, верований и обрядов, сохранившихся у разных народов и до настоящего времени. Он же подробно исследует магическое мировоззрение дикарей и вводит понятие „доанимизма“, считая магию древнее анимизма.

Фрэзера, пожалуй, можно считать завершителем эволюционной школы Тэйлора. Во всяком случае, в XX веке общее значение школы отошло на задний план, хотя она и до сих пор имеет отдельных представителей. Однако, изучение умственной жизни первобытных народов на этом не остановилось. Внимание новейших исследователей особенно привлекли австралийские племена, стоящие на наиболее низкой ступени развития. За известными трудами Болдуина Спенсера и Фредерика Гиллена (B. Spencer and Gillen)³ последовал ряд работ таких исследователей, как Ф. Боас (F. Boas), Риверс (W. Rivers), Малиновский (B. Malinowsky), а также ряд работ современных профессиональных этнографов, как, например, сотрудников Этнологического бюро Смитсоновского Института в Вашингтоне. Работы этих ученых накапливали все новые факты или по-новому рассматривали прежде добытые, в свете новых, созданных ими, теорий.

Английская антропологическая школа, опираясь на классическую ассоциативную психологию, исходила при изучении первобытной психики из представления о едином типе человеческого мышления, находя лишь количественное, а не качественное различие между нашей психикой и психикой первобытного человека. Так же ставили вопрос, несмотря на всякие разногласия и расхождения, и дальней-

¹ A. L. Lang, *Myth, ritual and religion*, 1887, *Custom and myth*, 1897. *The secret of the totem*, 1905 и др.

² J. G. Frazer, *Golden Bough*, London, 1903.

³ B. Spencer and Gillen, *The Native Tribes of Central Australia*, 1899, *Across Australia*, 1912, *The Australia*, 1914 и др.

шие исследователи—психолог В. Вундт (Wundt), американский этнолог Ф. Боас, психо-аналитическая школа Фрейда, Риверс, Малиновский, Гольденвейзер (A. Goldenweiser), Бартлет (T. Barlett) и другие.

Совершенно иную позицию занял французский ученый Люсьен Леви-Брюль (C. Lévy-Bruhl), последователь французской социологической школы Эмиля Дюркгейма, признавшего объектом социологии изучение „социальных фактов“. Леви-Брюль завоевал мировое имя своими работами по изучению первобытного мышления. Важнейшие из его трудов, посвященные изучению специфических особенностей первобытного сознания, следующие: „Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures“ (1910), „La mentalité primitive“ (1922), „L'âme primitive“ (1926), „Le surnaturel et la nature dans la mentalité primitive“ (1931), „La mythologie primitive“ (1935). В 1930 году на русский язык под общим заголовком „Первобытное мышление“ были переведены в основном две первые из названных работ Леви-Брюля, а в 1937 году, под общим заголовком „Сверхъестественное в первобытном мышлении“—две последние.

В своей основной работе, вышедшей в 1910 году, „Мыслительные функции в низших обществах“ (Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures) Леви-Брюль задался целью показать научную несостоятельность теорий, которые рассматривают первобытное мышление, исходя из тождества умственного механизма у нас и у первобытных людей. Основным положением Леви-Брюля явилось утверждение, что между мышлением первобытного человека и нашим существует не количественное, а принципиальное, качественное различие и всякие попытки объяснить воззрения и поступки первобытных людей, исходя из индивидуальной психики современного цивилизованного человека тем недостовернее, чем они правдоподобнее с точки зрения нашего мышления.

Здесь необходимо отметить, что Леви-Брюль трактует термин первобытность несколько иначе, чем это обычно делалось в научной литературе. Подлинно примитивными он считает лишь исчезнувшие уже первобытные обще-

ства, известные нам по археологическим данным. В применении же к отсталым обществам термин „примитивность“ является чисто условным. „Если принять в расчет древность человека на земле, то люди каменного века отнюдь не являются более первобытными, чем мы. О первобытном человеке в строгом смысле слова мы ровно ничего не знаем“, — пишет Леви-Брюль.¹

Однако, несмотря на то, что даже за самыми дикими из австралийских туземцев лежат целые века и тысячелетия культурного развития, у современных дикарей сохранились следы и пережитки первобытного мышления, существенно отличного от нашего, как устанавливает Леви-Брюль.

В чем же видит Леви-Брюль основное различие между двумя типами мышления? Согласно Леви-Брюлю оно заключается в той роли, какую играют в сознании первобытных людей „коллективные представления“, т. е. такие представления, которые независимы от индивидуальной психологии, навязываются отдельной личности с раннего возраста и в неизменном виде передаются из поколения в поколение. Коллективные представления получают свое выражение в верованиях, обычаях, языке и целиком господствуют над сознанием первобытного человека.

Специфической особенностью коллективных представлений является по Леви-Брюлю их мистический характер (*mistique*). Первобытное мышление является по существу мистическим. Эта особенность обуславливает всю манеру мышления, чувствования и поведения первобытного человека. Отсюда рождается крайняя трудность понимания и усвоения процессов первобытной психики. Всякий реальный объект по представлению первобытного человека наделен тайными свойствами, которые связывают его с миром сверхъестественных сил.

Леви-Брюль, однако, предостерегает от смешения первобытной „мистики“ с мистикой „высших“ обществ. „Суеверный, а часто также и религиозный человек нашего общества, — говорит он, — верит в две системы, в два мира

¹ Леви - Брюль, Первобытное мышление, русский перевод, изд. Атенс, 1980, предисловие автора.

реальностей, одних—видимых, осязаемых, подчиненных неизбежным законам движения, и других—невидимых, неосязаемых, „духовных“. Для первобытного же мышления не существует двух таких миров... Для первобытного мышления существует только один мир“.¹

Другая особенность коллективных представлений заключается согласно Леви-Брюлю в том, что они „связываются между собой законом, который Леви-Брюль называет законом партиципации (сопричастия) (*loi de la participation*), и по которому одни и те же мистические свойства приписываются примитивными людьми целому ряду совершенно различных вещей. „Быть может, — пишет Леви-Брюль, — в этих отношениях сопричастности по существу и месту между человеческой группой и иным видом существ и следует видеть главный корень того, что называется тотемистическим родством“.² Законом сопричастия объясняется по мнению Леви-Брюля магия с ее бесчисленными обрядами, которые устанавливают мистическую связь между предметами путем подражания, прикосновения и целого ряда других приемов.

Все это приводит Леви-Брюля к заключению, что мышление первобытных людей не подчиняется законам нашей логики. „Там, где мы ищем вторичные причины, там, где мы пытаемся найти устойчивые предшествующие моменты, первобытное мышление обращает внимание исключительно на мистические причины, действие которых оно чувствует повсюду. Оно без всяких затруднений допускает, что одно и то же существо может в одно и то же время пребывать в двух или нескольких местах. Оно подчинено закону партиципации, оно в этих случаях обнаруживает полное безразличие к противоречиям, которых не терпит наш разум. Вот почему позволительно называть это мышление, при сравнении с нашим, пралогическим“.³

¹ Леви-Брюль, Первобытное мышление, русский перевод, изд. Атенст, 1930, стр. 42.

² Первобытное мышление, русский перевод, стр. 301.

³ Леви-Брюль, Первобытное мышление. Предисловие к русскому изданию.

Таким образом, первобытное мышление, со всеми его специфическими особенностями было охарактеризовано Леви-Брюлем, как пралогическое (*prélogique*). Леви-Брюль предупреждает, что нельзя понимать этот термин в смысле „нелогический“. „Пралогический“ означает не отсутствие всякой логики, а иной тип логики.

Такова в общих чертах „рабочая гипотеза“ Леви-Брюля, как он сам ее называет.

Труды Леви-Брюля получили широкий резонанс в самых разнообразных кругах. Не говоря уже об этнологии, философии и психологии, даже в художественной литературе встречаются ссылки на Леви-Брюля.

Нельзя не признать, что по сравнению с анимистической гипотезой и теорией доанимизма идеи Леви-Брюля представляют громадный шаг вперед. В то время, как представители английской антропологической школы переносили опыт и представления современного им религиозного сознания на дикарей и заставляли их мыслить наподобие философов, Леви-Брюль выдвигает „коллективные представления“, как социальные образования сознания, а вместо личных духов анимизма выставляет действие основного закона первобытного сознания — закона сопричастия.

Другой крупной заслугой Леви-Брюля является признание им изменчивости человеческого мышления. Как пишет Н. Я. Марр в предисловии к русскому переводу „Первобытного мышления“ „в подлежащей работе в целом изменчивость мышления обнажена с ослепительной яркостью“.

Но наряду с этим следует отметить несколько существенных пороков в концепции Леви-Брюля. Исследователи первобытного мышления, в том числе и Леви-Брюль, изучая „мистическое“ мышление, не в состоянии вскрыть его сущность. „Дологическое мышление,—писал Марр,—это слепая карта, компас без магнита, и ровно ничего не говорит о том, откуда и как происходит и что конкретно значит само по себе это дологическое мышление“.¹ Прав-

¹ Марр, В тупике ли история материальной культуры. ГАИМК, 1933, стр. 118.

да, Леви-Брюль в отличие от других ученых признавал общественную сущность коллективных представлений, но и он не касался того, каким же образом возникают коллективные представления первобытного человека и под влиянием чего пралогическое и мистическое мышление уступает место рациональному и логическому.

Основная причина этого заключалась в том, что, несмотря на различные выводы, все существующие до сих пор теории западноевропейских ученых, и классическая школа (Г. Спенсер, Тэйлор, Фрэзер), и социологическая школа Дюркгейма (Леви-Брюль) искали разгадку своеобразия мышления примитивных в самом сознании дикарей. Школа Тэйлора исходила из тождественности законов мышления людей при всех условиях и во все времена. Леви-Брюль исходил из тех же категорий сознания, отмечая лишь их изменчивость на разных ступенях развития.

Между тем, факторы, образующие те или иные способы мысли, следует искать не в самом мышлении, а вне его, в объективной социальной действительности, как это делали основоположники марксизма. Энгельс указывал, что „различные ложные представления о природе, о существе самого человека, о духах, волшебных силах и т. д. имеют по большей части лишь отрицательно-экономическую основу (*nur negativ Oekonomisches*); низкое экономическое развитие предисторического периода имело в качестве своего дополнения, а порой даже в качестве условия и даже в качестве причины ложные представления о природе“.¹

Но Леви-Брюль — позитивист. Он далек от материалистического объяснения явлений примитивного сознания. Он собрал и систематизировал материал, очень ценный для изучения истории процесса мышления, но он не учитывал, что „сознание с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди“.² Поэтому он конструирует особый тип „пралогического“ мышления,

¹ Энгельс, Письмо к Шмидту. Маркс и Энгельс, Избранные произведения, 1940, т. 1, стр. 352—353.

² Маркс и Энгельс, *Немецкая идеология*, Партиздат, 1933, стр. 21.

совершенно не зависящий от производственных отношений в первобытном обществе.

Еще одним существенным недостатком работ Леви-Брюля, как и его предшественников, является недооценка изучения языка первобытных народов. Казалось бы, при изучении вопросов умственной жизни особое внимание должно было быть обращено на язык, отражающий мышление данной социальной группы. Однако, специальному изучению языка первобытных посвящено очень мало работ, и для многих из них мы не имеем ничего, кроме неполных словарей. Из работ по языку можно отметить труды Кэшинга (F. Cushing)¹ и Маллери (Mallery),² труды Фрезера, Кодрингтона (R. Codrington), Мэтью (R. Mathews) и других. Но лингвистика не пришла на помощь изучению первобытного мышления. Леви-Брюль также не оказался лингвистом, и привлекаемые им языковые параллели остались лишь бледным придатком к его основной этнографической тематике. Разрыв между языком и мышлением оказался типичным для западноевропейской науки. Изучение языков первобытных народов продолжало оставаться эмпирическим, без широких теоретических выводов о первобытном мышлении.

Совершенно иной подход к языку, как к историческому источнику, намечался в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, которые рассматривали язык и мышление в качестве продуктов определенной стадии общественного развития. Маркс указывал, что сознание, язык, мышление не имеют своего собственного развития, своей собственной истории. "... у них нет истории, у них нет развития; люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с данной действительностью также свое мышление и продукты своего мышления".³ Следовательно, формы человеческого языка и мышления складываются исторически и видоизменяются в про-

¹ F. Cushing, *Manual concepts*, 1892.

² G. Mallery, *Sign language among North American Indians*, 1881.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Немецкая идеология*, Партиздат, 1933, стр. 17.

цессе общественного развития. Марр в работе „Маркс и проблемы языка“ писал: „Маркс и Энгельс и тогда дали, создали единственный исторический метод, вне которого нет возможности произвести обстоятельное историческое исследование. Они вскрыли в языке такие смены, такие ступени развития языка и общества, какие тогда казались невероятными..., а новое учение полностью с избытком оправдывает эти смены, раскопав в самом языке пласты различных смен, именуемых нами стадиями... Не удивительно, что Маркс говорил о потрясающих для педантов—профессоров сменах значений у слов, хотя он еще не знал то, что вскрыло новое учение об языке в этом отношении.“¹

Классики марксизма указали таким образом новый путь, следуя по которому можно было построить подлинно марксистскую теорию познания. Продолжателями трудов К. Маркса и Ф. Энгельса явились В. И. Ленин и И. В. Сталин, которые разработали и далее уточнили учение Маркса и Энгельса о языке и мышлении, о языке и языковой политике в связи с национальным вопросом и т. д. Марр отмечает в той же работе: „Излишне здесь излагать историю конкретной работы Маркса и неразлучного с ним двойника Энгельса над языком и мышлением, или излагать неразлучную с ними по преемству работу по развитию идеологии Маркса—Энгельса—Ленина по языку-мышлению и Сталина по языку-нации, сочетавшими в себе дальнейшую разработку марксистско-ленинской теории с практикой и опытом революционного творчества. Этот опыт довел до четкого осознания материальной культуры, вслед за художественной, как необходимой части всех без исключения национальных культур, понимаемых диалектически в известной формулировке Сталина“.²

По пути, намеченному Марксом и Энгельсом, и пошел Марр, создав при разрешении трудных и сложных проблем первобытного мышления и истории первобытного

¹ Марр, Маркс и проблемы языка, 1933, ИР, т. II, стр. 455, 456.

² Марр, Маркс и проблемы языка, 1933 г., ИР, т. II, стр. 451.

общества мощное научное оружие—палеонтологический метод в его марровском понимании.

Новое учение о языке, созданное Н. Я. Марром, показало, что к вопросу о мышлении нельзя подходить без учета истории языка. Именно язык является лучшим хранителем всех прошедших стадий истории культуры, социальных отношений и мышления. В языке мы находим пережитки более древних эпох, очень часто пережитки древнейших стадий человеческой истории, с их особой структурой и содержанием мышления, резко отличных от современных форм. „Язык,—говорит Марр,—есть не просто звучание, а и мышление, да и не одно мышление, а накопление смен мышления, смен мировоззрения“.¹

К проблеме исторического развития мышления Марр подошел при изучении изменчивости значений слов в яфетических языках. Раскапывая древнейшие слои этих языков, Марр непосредственно столкнулся с вопросами первобытного мышления, прослеживая его отложения по многочисленным пережиткам, сохранным в яфетических языках. Исследования Марра показали, что „раскопки в совершенно развитых яфетических языках нас доводят до слоев человеческой речи более древних эпох в лучшей сохранности примитивизма“,² чем самые, казалось, первобытные языки наиболее отсталых племен, которые описывает Леви-Брюль.

Палеонтологический анализ яфетических языков дал возможность Марру не только установить смены в технике мышления, которые отмечал и Леви-Брюль, но и дать им материалистическое объяснение, исходя из учения о стадильном развитии языка-мышления.

В то время, как социологическая школа Запада, основываясь на этнографических материалах, стояла на точке зрения эволюционных смен мышления, новое учение о языке показало, что мышление в тесной связи с языком переживает не эволюционное движение, а коренные смены, да-

¹ М а р р, Язык и современность, 1932, ИГАИМК, стр. 9.

М а р р, Происхождение языка, 1926, ИР, т. II, стр. 203.

ющие качественно новые образования, обусловленные сдвигами в общественной жизни. Такие качественно новые образования Марр называл „стадиальными переходами“. „Новое учение о языке,—писал он,—в первую голову ставит вопрос об этих стадильных сменах техники мышления и разрешает положительным разъяснением мышление, предшествовавшее логическому, так называемое, дологическое, как ряд ступеней со сменой закономерностей и техники“.¹

Учение о стадиальном развитии, базирываясь на огромном фактическом материале палеонтологии речи, помогло Марру критически подойти к концепции Леви-Брюля и осветить многие загадки первобытного мышления, которые тот не мог разрешить. Критикуя метафизическое противопоставление Леви-Брюлем дологического мышления мышлению логическому, Марр писал:

„В нашем распоряжении как будто всего-на-всего две ступени в стадиальном развитии мышления: одна ступень—это то, что Леви-Брюль называет дологическим мышлением, а на наш взгляд мышление образное, и оно намечается к определению во времени длительностью громадного измерения, намечаемого многими десятками тысяч лет. Другое мышление—логическое... Для нас по истории развития звуковой речи громадной важности вопросом является процесс смены дологического мышления логическим. Мы не можем никак мириться с непосредственностью следования этих двух в корне различных систем мышления, логической за дологической. Нам пришлось бы изменить всей увязываемой системе построения яфетической теории, если бы мы допустили такой механический порядок чередования одного мышления с другим, ибо мы были бы вынуждены тогда прибегнуть к чуждым нашему построению источникам, призвать на помощь какую-либо таинственную силу, как чудесную созидательницу новой системы, и отказаться от социально-экономических факторов. При предпосылке же социально-экономических факторов наступление нового мышления и отход старого мыс-

¹ Марр, Язык и мышление, 1931 г., ИР, т. III, стр. 106.

лимы при выделении первым из себя второго в порядке раздвоения, или диалектического процесса".¹

Палеонтологические исследования Марра показали, что мышление и сознание „восходит не просто к отвлеченному созерцательному опыту и тем менее к какой-либо мистике, видениям, предзнаменованиям, но к производству. Как звуковая речь возникла лишь на известной ступени развития материальной культуры, ибо до выработки орудия производства, уже отделанного и усовершенствованного, не было и не могло быть звуковой речи, так до определенного момента эпохи нового сдвига в технике производства и с ним в социальной структуре, социальном быте не было и не могло быть логического мышления."²

Трудовой процесс играл огромную роль в развитии человеческого мышления. Производство создавало человека и вне своих связей с ним человек не осознавал абсолютно ничего. Весь окружающий мир входил в общественное сознание лишь в той мере, в какой его охватывало примитивное тогда производство. К первобытному производству восходят по Марру форма и содержание человеческой речи, а неразрывно с ней и мышление.

Учение Маркса и Энгельса о происхождении мышления из условий материальной жизни людей получило, таким образом, в трудах Марра новое подтверждение и конкретное выражение в вскрываемых языковых фактах.

Какие же общие стадийные закономерности языкомышления были вскрыты палеонтологией речи?

Палеонтологический анализ приводит исследователя к первичному периоду истории человека, когда тот еще только отделился от животного состояния. К этому первичному периоду, „к глубинам первобытных времен относятся то состояние, когда человеческий труд не освободился еще от своей первобытной инстинктивной формы".³ Пер-

¹ М а р р, Актуальные проблемы и очередные задачи афетической теории, 1928 г., ИР, т. III, стр. 70—71.

² М а р р, Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком, 1928, г., ИР, т. II, стр. 408.

³ М а р к с, Капитал, I изд., 1928 г., стр. 148.

вобытный человек, дикарь еще не отделял себя от природы. Это был период чисто стадного сознания, слитного или диффузного мышления с осознанным инстинктом.

За весь этот долгий период времени мышление носило конкретный, чувственный, образный характер. Это было зрительное мышление с примитивно-синтетическим характером, в котором жесты, телодвижения, мимика сливались с диффузными выкриками. Еще не было дифференцированного органа речи, но преобладающая роль все же принадлежала руке, которая на следующей ступени уже сделалась органом речи. С ручной речью стало развиваться ручное мышление. Рука служила, таким образом, одновременно и орудием труда, и орудием языка.

Марр отмечает важную роль руки в развитии человеческого мышления. „Ручная речь и ручное мышление в глоттогоническом (языкотворческом), особенно же в логогоническом (мыслетворческом) процессе сыграла громадную роль: за время ее многотысячелетнего существования в мышлении произошли громадные сдвиги, благодаря ей мышление оформилось; за то же время количественного и качественного роста ручной речи человечество пережило не одну ступень стадияльного развития“.¹

Переход от ручной речи к звуковому языку был обусловлен развитием материального производства первобытного общества, когда общественные отношения и мышление усложнились, и ручной язык не мог удовлетворить новые, возросшие общественные потребности. Именно в результате перехода к изготовлению искусственных орудий труда возникает и развивается членораздельная звуковая речь.

Ко времени появления звуковой речи мышление было развито, как считает Марр, до стадии космического тотемизма. На этой стадии природа стала отделяться в сознании человека и противопоставляться человеческому коллективу, как чуждая, всемогущая сила, перед которой люди беспомощны.

¹ Марр, Язык и мышление, 1931, ИР, т. III, стр. 107.

Чуждость природы человеку и в то же время связанность с ней трудовой деятельности коллектива стала выявляться в сознании человека переносом действующей силы с себя на нее. Человек осмыслял силы природы, как действующие вместо него. Выработывалось ирреальное мифологическое представление о действующем лице, находившемся вне реального исполнителя действия. Этот мифологический субъект, по терминологии Марра „тотем“, обуславливал собой тотемическое мышление первобытного человека.

С ростом производительных сил, с переходом на земледельческую стадию развития человек сильнее ощутил свою связь с природой, зависимость своего хозяйства от природных стихий. В связи с этим единый космос стал распадаться на отдельные слагаемые в пределах нужд человека—небо¹ верхнее—солнце, звезды, луна, огонь, небо² нижнее—земля, камни, небо³ подземный мир—вода. На этой космической стадии мышления еще нет анимистического восприятия мира. Марр указывает, что анимизм возник на более поздней ступени развития. „Об анимизме говорится как о древнейшей стадии в мировоззренческой истории человечества,—пишет он,—когда новое учение о языке окончательно установило, что звуковой термин „душа“ и с ним самое представление о „душе“—позднейшее достижение, что представлению „душа“ предшествовал не биологический как будто близкий ныне в нашем представлении... термин „дыхание“, а „рука“, как опять-таки не физическая, а социальная категория“¹.

Космическая стадия мышления еще не знает понятия „душа“ и представляет образный мир наделенным не душами, а сверхъестественной магической силой, которая двигает предметами и явлениями природы. Вера в сверхъестественную силу-тотем породила магическое („мистическое“ по терминологии Леви-Брюля)¹ мышление. Согласно магическому мышлению эту таинственную силу вещей можно вызвать магическими действиями, которые получа-

¹ Марр. Стадия мышления при возникновении глагола „быть“, 1930 г., ИР, т. III, стр. 83.

ют ритуальное значение, как могучее средство воздействия на природу, как средство для борьбы с врагами человека и защиты от них. К таким магическим действиям первобытный человек относил и свою трудовую деятельность, поэтому первобытное производство Марр называет «труд-магическим действием».

Нормы магического мышления сохранились у современных первобытных народов. Это и есть то «мистическое» мышление, которое отмечал Леви-Брюль, но происхождение которого он не пытался объяснить.

Сам звуковой язык на этой начальной стадии своего возникновения имел лишь магические функции. Слово явилось наследником первичного образа тотема и потому первобытное человечество переносило на слова и магическую силу замененного им тотема.

С дальнейшим усложнением и развитием труда стало оформляться выделяемое Марром микрокосмическое мышление. Наряду с человеческим коллективом, который противопоставлялся природе, в сознании человека стали выделяться отдельные индивиды, входящие в состав коллектива. Человек противопоставлялся коллективу, как коллектив—природе. Коллектив получал в представлении первобытного человека активность космического тотема, на него переносилось представление о действующем лице.

Выделившееся уже восприятие отдельного человека продолжало, однако, оставаться пассивным. На этой ступени индивид продолжал существовать только в своем тотеме и целиком отождествлял себя со своей группой в качестве тотемного «я». Он был лишь исполнителем действий тотема, теперь уже перенесенного с природы на человеческое объединение. «С этим переносом прав тотема, гесп. культового предмета, впоследствии „бога“ на определенный слой коллектива координирует переход названия тотема на самый руководящий слой и лишь позднее на каждого члена этого слоя...»¹ пишет Марр¹.

¹ Марр, Право собственности по сигнализации языка, 1920, ИР, т. III, стр. 185.

Кристаллизация представления о тотеме, его превращение из мифологического образа в уже оторванное от трудового процесса племенное космическое понятие явилось важным переломным моментом не только в развитии мировоззрения, но и в развитии языка. Примитивное зрительное осознание предметов уступает место осознанию понятий, осознанию слов. В связи с этим появляются предпосылки для перехода на новый этап развития человечества с формально логическим мышлением.

На ступени логического мышления познание теряет свой непосредственный характер и приобретает характер опосредствованный через понятия, суждения и умозаключения. Действующее лицо переносится в сознании человека на него самого, активность переходит на самого исполнителя действия. Форма магической стадии мышления утрачивает таким образом свое магическое содержание, так как человек видит действующим лицом себя, а не чуждую силу—тотем.

Первобытное мышление в его отражении в языке выработало определенные закономерности в смысловой стороне речи, семантике слов, в неразрывной связи с формальной стороной языка, его структурой.

Закономерности эти обусловлены общим диффузным характером первобытного мышления, которое воспринимало явления объективной действительности неделимыми, нерасчлененно слитыми, недифференцированными, как неделимо и недифференцировано было еще и само первобытное общество.

В семантике языка это выразилось в особой связанности различных представлений, которые обозначались одними и теми же звуковыми символами—словами. Целый ряд предметов и явлений тесно связан в представлении первобытного человека. Они образуют семантические ряды и пучки, теперь для нас непонятные. Это те ассоциации сопричастности, о которых говорит Леви-Брюль. Таков, например, известный ряд „рука+женщина+вода“, „небо+гора+голова герп. верх“ и т. д.

Позднейшее выделение в сознании отдельных частей

из первично воспринимавшегося целого образа обусловило и переход названия целого на его часть. Таков сложный комплекс, связанный с «небом», название которого переходит на его дериваты—«светила», «звезды», «птицы» (птица-небесенок), «высокий», «голубой», «верх», «начало», «конец» и т. д.

Одной из основных закономерностей семантики слов является также закон функциональной семантики, смены значений слов в зависимости от общественно-производственной функции предметов. Все, что несет одну и ту же службу и имеет в общественном обиходе одинаковое назначение, располагается сознанием в один мыслительный ряд. Закон функциональной семантики позволяет объяснить переход названий по ряду «собака—олень—конь—верблюд» (по функции передвижения), «жолудь—хлеб» (по функции питания), «рука—камень—топор—железо» (по функции орудия труда) и т. п.

Другим важным законом семантики слов является диалектический закон единства противоположностей, совпадение в одном и том же слове двух противоположных значений. Только в процессе развития это единое слово поляризуется, выделяя различные слова для обозначения противоположных понятий. Раздвоение таких диффузных представлений происходит уже на ступени аналитического мышления. «Мышление, как и язык,—указывает Марр,—есть явление „становления“, и его сущность и техника, а с ними его роль, изменяются в корне по сдвигам. Сдвиги настолько мощны, настолько громадны по создающимся за сдвигами изменениями, что новые поколения кажутся пришедшими из другого мира сравнительно с теми прежними, от которых они произошли: на двух берегах пропасти, образующейся между ними, два противоположных предмета, и казалось бы, противоположных понятия обозначаются одним словом. Одно и то же слово на одной стороне, покинутой стороне, значит „голова“ да „начало“, а на новой, завоеванной разумеется борьбой в процессе развития производства и производственных отношений, значит „хвост“, „конец“; на одной стороне слово „огонь“, на другой—„во-

да"; на одной стороне „день“, „белый“, на другой — „ночь“, „черный“; на одной стороне „верх“, на другой „низ“.¹

Отношения первобытного общества, в котором все являлось достоянием коллектива, и отдельный человек не осознавал еще своего „я“ вне коллектива, обусловили также коллективность всех представлений, первичность множественного по отношению к единичному, общего к частному, целого к части и т. д.

Тот же диффузный, комплексный характер первобытного мышления обусловил закономерности и формальной стороны языка, его структуры, грамматических категорий, которые развивались в тесном взаимодействии с семантикой языка. В древнейшей звуковой речи не было еще каких-либо формальных отличий, не было грамматически оформленных, дифференцированных частей речи. „Звуковая речь, — говорит Марр, — начинается не только не со звуков, но и не со слов, как частей речи, а с предложения, мысли активной и затем пассивной, то-есть начинается с синтаксиса, строя, из которого постепенно выделяются части предложения, определявшиеся по месту их нахождения в речи“.²

В эпоху господства синтетического строя мышления, когда еще не было дифференцированных логических категорий, единый звуковой комплекс совмещал в себе элементы логического суждения: и имя-субъект (производитель), и имя-объект (продукция), и действие (производство). Эти первичные диффузные комплексы могли выступать в зависимости от конкретного характера их использования то в роли глагола, то имени, то местоимения и т. д., причем их смысловое значение определялось местом в предложении. С аморфностью (отсутствием формы) органически связана синтетичность, то-есть строй с определенным местом каждой части предложения, вернее с таким твердым распределением места, что по месту узнается, с какой частью предложения имеем дело и даже в

¹ Марр, Язык и мышление, 1931, ИР, т. III, стр. 96.

² Марр, Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком, 1928, ИР, т. II, стр. 417.

роли какой части речи данное слово должно быть принято".¹

Таким образом, аморфность, синтетичность и полисемантизм определяют типологию древнейшей звуковой речи.

Исходным моментом для возможности перехода аморфно-синтетической структуры в морфологическую явилось возникновение вспомогательных слов, специально выражавших в звуковой речи субъект-тотем. Этими выразителями субъекта-лица в синтаксическом строе примитивных предложений были местоимения, „местоблюстители тотемизма“, „замтотемы“, как выражается Марр. Соединение местоимений с именами и создало при агглютинативном строе грамматические формы глагола-действия (спряжение) и с другой стороны, форму имени существительного, его определенных падежей.

Первобытное мышление отразилось также в так называемой пассивной конструкции предложения, связанной с тем, что действия коллектива осознавались как действия тотема, и сами действующие лица выступали в роли пассивного объекта, а не субъекта.

Такова в самых общих чертах картина стадияльного развития человеческого мышления в неразрывной связи с языком, выявленная Марром на основе палеонтологии речи. Марр, таким образом, выдвинул проблему большой научной значимости, проблему палеонтологии мышления, задачу раскопок в древнейших слоях и пережитках языка форм развития человеческого мышления.

Научная концепция Марра, основанная на богатейшем фактическом материале, несомненно вскрывает подлинный характер первобытного мышления. Она устанавливает ряд ступеней, узловых пунктов глоттогонического процесса с определенным мировоззрением, нормы которого определяются материальными условиями производства и общественными отношениями. Она указывает на одновременность и неразрывную взаимосвязь языка и мышления. В этих

¹ Марр, Яфетическая теория, 1927 г., ИР, т. II, стр. 108.

вопросах концепция Марра не вызывает никаких возражений.

В новейшей научной литературе появилась лишь тенденция критически пересмотреть вопрос о времени появления звуковой речи. Так, например, проф. Доброгаев в статье „Членораздельная речь и мышление в процессе возникновения их у первобытного человека“, напечатанной в естественно-историческом журнале „Природа“ (1945. № 6), пишет: „Наши работы по физиологии речи привели нас к возражениям против утверждения акад. Н. Я. Марра, что словесно-звуковая членораздельная речь выработалась после длительного, многотысячелетнего периода существования только кинетического речевого общения у первобытных людей. При исследовании строения человеческого мозга мы видим, что координационные структуры, осуществляющие словесно-звуковые элементы речи неразрывно и неотделимо связаны в своих функциональных речевых проявлениях с координационными структурами мимико-жестикულიационных движений. Такое их взаимодейственное соотношение во всех мельчайших деталях функциональной деятельности мозга у современного человека могло сложиться лишь в процессе одновременного, постоянно увязываемого генетического развития, то-есть при одновременном наличии у первобытного человека в его зарождающейся общественно-трудовой жизни и звуковых и кинетических моментов речи, и включенного в них мышления“ (стр. 23).

Проф. Доброгаев тут же добавляет: „Но этот особый, отдельный момент в научных концепциях акад. Н. Я. Марра несколько не снижает величайшей общей научной значимости их для построения учения о главных основах языкового общения“ (стр. 24).

Мы должны заметить, однако, что проф. Доброгаев, как и многие другие „критики“ Марра, смешивает понятия „ручной“ и „кинетической“ речи. Кинетическая речь, т. е. мимико-жестикულიационная речь характеризуется Марром как диффузная, комплексная, с нерасчлененно слитными выкриками, звуковыми комплексами, элементами

речи, которые на позднейших ступенях превращаются в звуковой язык, в слова. Ручная речь, как язык руки, выделилась позднее, когда преобладающая роль стала принадлежать руке в связи с употреблением первых, еще необработанных орудий труда. Следовательно, одновременное и равномерное развитие двигательных и речевых координационных структур человеческого мозга только подтверждает мысль Марра о первичной диффузности кинетической речи, охватывающей и двигательные (мимика, жестикуляция), и звуковые (первичные элементы—слова) проявления первобытного человека. Нельзя думать, говоря о ручной речи, что первобытное человечество было немым, но нельзя предполагать и того, что первобытный человек с самого своего зарождения стал говорить членораздельным языком, как это, повидимому, представляется проф. Доброгаеву.

II. Проблема реликтов в армянском языке

Учение о стадильном развитии показало, что стадия—это противоречивая система, генетически связанная с пройденными уже этапами общественного мышления. Поэтому в каждой последующей стадии удерживаются отдельные явления или целые слои, так называемых „рудиментов“, „архаизмов“, „пережитков“ прошлых форм развития мышления, сохранившихся в фольклоре, памятниках материальной культуры и в языке.

Эти формы часто представляются нам непонятными в своей окаменелости, давно утратившими какой бы то ни было смысл и значение. Они со временем исчезают или подвергаются новому осмыслению, получают новую функцию. Так, например, в фольклоре многие первобытные культовые действия вырождаются в детские игры, тотемистические мифы превращаются в звериные сказки, магические изображения—в орнаментальные украшения и т. п. В языке примерами таких архаизмов служат семантические осмысления в виде идиом, окаменелых словосочетаний, а также некоторые сохранившиеся от предшеству-

ющего состояния принципы структурного оформления в его грамматическом и синтаксическом выявлении.

Именно эти пережитки, сохраняя мертвую форму уже пройденных стадий развития и помогают нам осветить темные и непонятные для нас теперь стороны первобытного мышления.

Армянские этнографические материалы, памятники материальной культуры и армянский язык также хранят в себе огромное количество пережитков, которые ведут нас к древнейшему мышлению первичных обитателей Армянского нагорья.

В вековой памяти народа сохранились следы мировоззрения и культуры очень далеких эпох. Так, например, следы тотемического мышления, следы доанимизма, космических и астральных культов и т. п. можно найти в целом ряде обычаев, обрядов, религиозных верований и в быту современных армян. Эти пережитки сохранились во всех жанрах армянского фольклора—в сказках, эпических сказаниях, легендах, песнях, пословицах, баснях. Верования армян полны пережитков культа животных и растений, который в генезисе восходит к культу животных и растительных тотемов первобытного охотничьего общества. Тотемический культ отразился и в таких древних памятниках материальной культуры, как каменные статуи рыб (вишапы), открытые в Гегамских горах, в древнейших скульптурных изображениях животных и птиц на архитектурных памятниках, в геральдических знаках армянских княжеских фамилий, в рассеянных по всей Армении, единственных в своем роде, казалось бы, сугубо христианских памятниках, так называемых „хачкарах“ (крестных камнях), в народных плясках (танец журавля, танец медведя, хоровод в честь луны и др.), наконец, в топонимических и этнических названиях. Огромное количество этих материалов может составить тему отдельных исследований, что отнюдь не входит в задачи настоящей работы.

Для нас важно отметить наличие реликтов¹ первобыт-

¹ В применении к языку термин „реликты“ нам кажется более правильным, чем термин „рудименты“, который применяется обычно к биологическим организмам.

ного мышления в армянском языке, который сохранил в себе не только семантические значения, но и грамматические формы совершенно иных эпох.

Армянский язык, как показали работы Марра, не является в основе своей монолитным целым или однородным массивом. В нем сохранились органически ему присущие яфетические слои, которые отложились, как результат стадияльных трансформаций многих племенных языков древнейшего этнического ядра армян.

Марр показал, что языки Армении (древнелитературный и народный) представляют собой два различных лингвистических типа, из которых один, древнелитературный, является переходным от яфетического состояния речи к прометеидскому (индоевропейскому), другой, народный, во многих чертах своей грамматической структуры приближается к так называемому „урало-алтайскому“ типу. Марр дал таким образом определение языков Армении в их глоттогоническом процессе, характеризуя их как переходные от одной системы языков к другой.

Именно в силу своей переходности из одной стадии в другую языки Армении сохранили в себе целый ряд пережиточных явлений предшествующих состояний.

Здесь мы должны отметить, что проблема реликтов, сохранившихся в армянской речи, рассматривается нами в свете учения о стадияльном развитии языка. Многие из этих пережитков, прослеживаемых в лексическом материале и в структуре армянского языка, как увидим ниже, являются общими для ряда народов, соседящих или бытовавших на Армянском нагорье наряду с армянами или до них (урарты, хетты, хурриты, и др.). Не отрицая возможности самого факта заимствования, мы тем не менее вынуждены, рассматривая язык в его стадияльных трансформациях, нередко признавать данную форму, наличную в двух сравниваемых языках, не заимствованною одним у другого, а сохранившуюся в обоих, как результат сходных стадий развития языка-мышления. Те же формальные явления мы встречаем в языках многих первобытных племен—у северо-американских индейцев, у мексиканских пле-

мен, в африканских языках и т. д. В этом случае, конечно, вряд ли можно говорить о генетическом родстве или заимствовании. Это не родство, а сходные фазы единого процесса развития человеческой речи.

В понятие „армянский язык“ мы включаем древнелитературный (грабар), современный армянский и народный с его диалектами. „Яфетидизмы“, реликтовые явления, характерные для более древних стадий языка-мышления, вскрываются как в древнелитературном, так и в народном языке. Но народный язык, который существовал наряду с речью феодалов и был бесписьменным языком масс армянского населения, часто хранит в себе более архаичные слои, чем древнелитературный язык. Пережитки его дожили до наших дней в архаизмах современной речи армян.

III. Ручная речь

Говоря о реликтах первобытного мышления в армянском языке, следует прежде всего указать на наличие ручной речи, сохранившейся до самого недавнего времени в некоторых районах Армении. Так, ручной язык еще в ходу среди женской части населения Казахского (Барана), Зангезурского, Нор-Баязетского, Абаранского, Ахалцихского районов. Недавние экспедиции Академии Наук СССР открыли существование ручной речи и в других местностях Армении. К сожалению, ручная речь в Армении мало и плохо изучена. Мы пользуемся для настоящей главы материалами ручной речи Ахалцихского района и материалами экспедиции по исследованию ручной речи Баранинского района Армении (сел. Барана, Баганиси, Кошхотан, Воскепар), предпринятой в 1931 году Институтом Кавказоведения в Тифлисе.

Употребление ручной речи в Армении связано с бытом, нормирующим отношения женщины к родным по браку. Так, невестка в обращении со свекровью беседует исключительно ручной речью. В Буланыхе, например (Турецкая Армения), невестка вовсе не имела права разговаривать со свекром. С братьями мужа она не говорила до 10—15 лет,

с золовками от 5—6 месяцев до 1 года, со свекровью—до рождения первого ребенка. Она не имела права показываться перед мужчинами с открытым лицом и объяснялась со всеми только „языком жестов“.¹

Обычай „молчания“ замужней женщины в присутствии старших членов семьи (свекор, свекровь) широко распространен среди отсталых в культурном отношении народностей, но запрет говорить звуковой речью при использовании вместо нее ручной встречается, пожалуй, только в Армении. Запрет звуковой речи несомненно является одной из норм ограничения прав женщины, результатом ее подчиненного положения в семье мужа, восходящего к ранним эпохам смены матриархата. Возникает вопрос, можно ли сохранившуюся в Армении ручную речь возводить целиком к отдаленнейшей стадии первобытного мышления, господства ручной речи, когда человек мыслил ручными образами-понятиями?

Существует тенденция совершенно не признавать в ручном языке армян пережитков древнейшего состояния речи. Так, например, Г. А. Капанцян пишет: „Напрасно Н. Марр считает эти новейшие формы жестов древнейшими, атавизмами, оставшимися от первоначального периода речи... Его учениками исследовались остатки этого мимического разговора, например, на Кавказе, но они ни минуты не задумывались над тем, что это может быть следствием новых социальных отношений, как например, немота наших невесток, как выражение рабского состояния женщины, связанного с образованием классового общества“.²

Нельзя, однако, сводить мысли Марра к такому примитивному пониманию. Марр писал: „Принимая охотно общие линии оценки важности ручного языка современных нам примитивных племен для понимания первичной природы звуковой речи, никак не можем согласиться с тем,

¹ Х. Самвелян, *Հին Հայաստանի Կուլտուրան*, Ереван, 1931 г., т. 1, стр. 289.

² Г. А. Капанцян, *Ընդհանուր լեզվաբանություն*, Ереван, 1939 г., ч. 1, стр. 159.

что наблюдаемые теперь конкретные технические приемы ручной речи или ручного мышления могли бы быть использованы без предварительной палеонтологической очистки ее от позднейших, наносных черт и особенностей в разъяснении происхождения звуковой речи, точно эти языки современных примитивов в самом деле находятся на этапе развития человеческой речи тех доисторических эпох, когда еще не возникала нигде звуковая речь¹.

Интересно отметить, что рабское положение армянской женщины диктовало запрет не всякого общения вообще, а лишь запрет звукового способа общения. Очевидно, это имело основой смену матриархата патриархатом, когда звуковая речь сделалась языком привилегированного слоя мужской организации и поэтому жене запрещено было ею пользоваться. Вместо звуковой речи она могла общаться ручным языком, т. е. языком матриархата.

Несомненно, ручная речь современных армян под влиянием мышления, связанного с звуковой речью имеет напластования и не может быть целиком возведена к своему первобытному состоянию. Марр, как мы только что видели, указывает, что наблюдаемые теперь конкретно-технические приемы ручной речи не могут быть целиком отнесены к этапам развития человеческой речи доисторических эпох. Однако, под позднейшими наносными пластами, в ручной речи армянских крестьянок, несомненно таятся реликты мышления более древних стадий, когда кинетическая речь была разговорной, обиходной речью людей, в ней вскрываются пережитки космически-астрального мировоззрения отдаленных наших предков.

Так, ручная речь армянок Баранинского района подтверждает космическое представление о трех небесах: небе верхнем—„солнечном“, небе нижнем—„земле“ и небе подземном—„водном“, позже преисподней, которые передаются одинаковым жестом рук в разных плоскостях: руки вверх—«небо верхнее», «солнце», «луна»; руки в стороны, косо и горизонтально—«небо нижнее, земля»; руки вниз—

¹ Н. Марр, О происхождении языка, 1926 г., ИР, т. II, стр. 203.

«небо подземное—вода», «преисподняя». Характерна передача моря-озера: указательный палец поднят вверх+жест «воды» (ладонь подносится ко рту. Точно такой же жест для «воды» существует в ручном языке северо-американских индейцев¹). «Озеро-море», таким образом, связывается с «водой», а «вода» с «небом верхним», как единый, еще нерасчлененный образ «неба+воды». В армянском народе голубизна неба вообще воспринимается как «вода верхняя» в отличие от реки «воды нижней». Космическое мышление ярко выступает в ручной сигнализации «солнца» и «полнолуния» у казахских армянок. Это противоположности, вышедшие из одного и того же образа «неба». «Солнце» и «луна» изображаются с помощью направления рук в позе молящегося к небу (небу верхнему), но с мимическим различием—с улыбкой на лице для «солнца», а в связи с ним для «жизни», «тепла», «радости», «смеха», «цветка» (в звуковой речи эти термины образуют семантический ряд) и без улыбки, с серьезной миной для «луны», а также для «смерти», «холода», «скорби». В сел. Баганиси и Кошхотан тот же жест употребляется для изображения «рая»—поднятие рук вверх с радостным лицом. «Рай» уподобляется «солнцу», «теплу», «радости», «смеху» (небу верхнему). Напротив, «ад» как понятие скорбное, изображается с печальным лицом, закрытыми глазами и беспорядочным движением рук вниз (небо³—преисподняя).

Пережиточный характер ручной речи сказывается также в диффузном восприятии предмета и его функции. Так, например, в ручной речи сел. Барана нет жеста для отвлеченного понятия «бык». «Бык» передается знаками: животное+ярмо+пахать; корова—животное+доить;—курица—животное+сносить яйцо (животное и птица воспринимаются как один образ, еще нерасчлененный). Таким образом, животные не отделяются от выполняемой ими функции. «Дерево» изображается жестами: резать (пилить—рубить)+дом (руками свод) и, следовательно, также не отделяется от своей функции служить материалом для постройки жи-

¹ Леви-Брюль, Первобытное мышление, русск. перевод, стр. 107.

лица. Одним и тем же жестом передаются такие понятия, как: «огонь=жечь», «река=вода=пить», «ходить=течь», «жарить=печь», «дерево=рубить» и т. д. Все они связаны законом функциональной семантики или перехода названия целого на часть.

Не дифференцированы понятия «дождь—снег». Они передаются одним жестом (согнутая ладонь пальцами вниз), так как в космическом мировоззрении первобытного человека дождь и снег связаны с верхним небом, как его единое проявление.

Ярко отражено в ручной речи диффузное восприятие притяжательного и личного местоимения «я—мой» (один и тот же жест—положить руку на грудь), а также единый жест для единственного и множественного числа «ты—вы—твой» (вытянуть руку вперед), «он—они—его» (махнуть рукой в сторону) и т. д. Здесь явно сохранены пережитки той стадии мышления, когда человек осознавал себя лишь через принадлежность к своему коллективу—тотему. Личные местоимения, как известно, выделились позднее притяжательных. Вначале они не были дифференцированы, как не было дифференцировано единственное и множественное число.

Следы первобытного мышления вскрываются и в синтаксисе ручного языка, который сохранил в себе пережитки аморфно-синтетического строя речи, когда из диффузной мысли выделился субъект—подлежащее, затем объект и, наконец, действие—сказуемое. Именно так располагаются слагаемые в ручной речи женщины Баранинского района. Так, например, фраза *աւրիսը կ'ուսի կ'արե* «на арбе едет (он)» в ручной речи изображается—он+арба+ехать, *կ'ուսի կ'ուսի կ'ուսի* «корову убил (он)»—он+корова+убить, *կ'ուսի կ'ուսի* «курицу поймал (он)»—он+курица+поймать и т. д. Совпадение во многих случаях с синтаксисом народного звукового языка объясняется тем, что народная речь вообще сохранила в себе более архаичные слои, чем литературный язык.

Несомненным признаком большой некогда распространенности ручной речи являются богатые отложения ее в звуковом языке. Армянский язык также сохранил в себе

отражение ручного мышления во многих оборотах и выражениях, явно описывающих бывшие линейные образы ручной речи. Ручной жест исчез, но его описание полностью сохранилось в звуковом языке. Так, например, для понятия «говорить» мы имеем интересный оборот в мушском диалекте армянского языка—*թալի*.

Совершенно очевидно, что *թալի* надо отнести к основе *թալ* «рука», что сохранилось в таких словах как *թալիկ* «детская ручонка», *թալի* «бросать», «кидать» (действие рукой). Следовательно, *թալի* «говорить» буквально означает «ручить», т. е. говорить рукой. Отсюда диалект. *սոթ-սոթ* *թալի* «говорить глупости» буквально делать витиеватые (непонятные, глупые) знаки рукой.¹ Весьма интересно отметить, что то же *թալ* в значении «руки» сохранилось и в удвоении *թալթալի* «дождить капельками, моросить». Здесь мы имеем буквальную передачу жеста «дождь» — трести опущенными вниз пальцами согнутой ладони (таков жест «дождь» у казахских армянок). И тем интереснее констатировать, что точно такой же жест для «дождя» встречается в пиктографическом письме мексиканских племен.² Поразительный факт единства языкотворческой мысли! К ручной речи восходит и выражение *ձեռքն, ոտքն անի* «объяснять что-либо», буквально «делать рукой, ногой», т. е. прибегать к помощи ручной речи. К руке же восходит армянское *բան* «слово». *Բան* означает «руку» в словах *բանի* «делать», «работать», *բան* «дело» и т. д. Следовательно, название руки, служившей органом труда и органом речи, перешло по функции на звуковое «слово».

Приведем несколько армянских оборотов и выражений, явно восходящих к ручному мышлению и буквально описывающих язык жестов и мимики. В живой речи встречаются такие выражения: *աչքեր շանց տուր նրան* «испугай его», буквально «покажи ему глаза», в мимической речи — жест устрашения: выпучить глаза, *աչքի լիք* «хорошо»,

¹ Ачарян, *Հայոց լեզվաբանական բանասիրություն*, Тифлис, 1913, стр. 343—44.

² Богораз-Тан. Распространение культуры на земле, М. 1928, стр. 205.

буквально «на моем глазу» — жест повиновения: рука прикладывается к глазу в знак согласия. Точно такой же оборот сохранился в персидском языке: *dās̄d̄ bar ẓāsh̄m nehādān*¹ «приложить руку к глазу» и жест: сомкнутые пальцы правой руки прикладываются к правому глазу в знак полного повиновения (80),² *q̄l̄n̄l̄r d̄n̄b̄l* «умолять», буквально «кривить голову» — жест просьбы: склонить голову вбок, *q̄l̄n̄l̄r d̄w̄d̄ m̄w̄l* «соглашаться» буквально «двигать головой» — жест согласия: кивать головой сверху вниз, *q̄l̄n̄l̄r d̄b̄d̄b̄l* «горевать», буквально «бить голову» — жест отчаяния: удары по голове, *d̄b̄n̄r d̄b̄q̄r̄n̄ q̄w̄n̄b̄l* «сокрушаться», «сожалеть», буквально «ударить рукой по колену» — жест сокрушения, отчаяния. Этот же жест засвидетельствован в персидской литературе XII—XIII в. в. Так, у Саади в «Голестане» встречается выражение: «... ты ударишь по колену рукой сокрушения», т. е. ты будешь раскаиваться» (72), *w̄f̄ f̄ r̄b̄r̄w̄n̄l̄ d̄b̄b̄l* «замолчать», буквально жест молчания: приложить ладонь ко рту (ручной жест эпохи звуковой речи), *d̄w̄d̄r d̄w̄f̄ m̄w̄l* «грозить», буквально жест угрозы: трясти пальцем, *d̄w̄d̄r r̄b̄r̄w̄n̄l̄r m̄w̄d̄* «удивился», буквально «палец остался во рту» — жест удивления: палец прикушен зубами. Тот же жест у персов в выражении «кусать палец удивления» — конец указательного пальца правой руки прикладывается к передним зубам нижней челюсти. Этот жест обыкновенно встречается на картинах, изображающих первую встречу Ферхада с Ширин (81), др. лит. *d̄b̄n̄l̄ j̄w̄n̄d̄r̄n̄l̄ w̄r̄q̄w̄n̄b̄l* «покориться», буквально «приложить руку к телу» — жест повиновения: положить руку на грудь, народное *d̄b̄n̄r d̄n̄ḡr m̄w̄d̄* «обеднел», «стал несчастным», буквально «рука осталась за пазухой» — тот же жест покорности, повиновения и т. д.

¹ При печатании настоящего труда по техническим причинам некоторые буквы транскрипции Марра заменены соответствующими буквами армянского алфавита — չ, ք, ղ, ձ, ճ.

² Материалы по персидскому языку приводятся из статьи Юрия Марра «О линейной речи у арабов, персов и турок», напечатанной в сборнике Ю. Н. Марр, Статьи, сообщения и резюме докладов, М.—Л., 1936, 1. Страницы указаны в скобках.

Интересен у армянок и вообще женщин на востоке жест немого пожелания смерти—протянуть кому-либо растопыренную пятерню. Рука выступает здесь символом смерти. Жест этот объяснен у Касеме Энвара (XI в.): „Смерть—рука, что имеет пять пальцев: два средних пальца закрывают врагу глаза, два—затыкают ему уши, большой палец замыкает уста и выходит полная смерть“ (72).

Интересно было бы также просмотреть памятники изобразительных искусств Армении с целью обнаружить в них отражение ручной речи. Различные позы и жесты изображенного человека быть может указывают нам на то или иное слово, зафиксированное как памятник ручной речи. На надгробных плитах с изображением умершего часто встречаются характерные для ручной речи положения рук. Каждый из этих жестов несомненно имел определенный смысл, который теперь утерян. Наконец, яркие образы линейной речи сохранены в армянских народных плясках, передающих языком жестов все бытовые подробности жизни армянского крестьянина.

Таким образом, если даже допустить, что ручная речь армянских женщин в ее наличном состоянии возникла в результате рабского положения в семье мужа, то и в этом случае анализ составляющих ее элементов и самый творческий процесс образования жестов с несомненностью обнаруживают те же языкотворческие пути, которые были пройдены как древней ручной речью, так и победившей ее звуковой. В этой последней процесс грамматики и технизации сильно затемнил живую, образную жизнь речи. Пережитки ручной речи в звуковом языке и памятниках материальной культуры указывают на широкое некогда распространение в Армении языка жестов. Древнейшие аборигены Армянского нагорья, подобно другим народам, прошли в своем развитии стадию ручного мышления и ручного способа общения, что прочно сохранилось у наследовавших им армян.

IV. Синтаксис

1) Порядок слов в предложении

Синтаксис народного армянского языка сохранил в себе некоторые особенности первичных стадий образования грамматических категорий, когда диффузная мысль стала расчленяться в сознании человека на отдельные слагаемые.

При первом же общем взгляде на строй предложения в армянском языке бросается в глаза различное расположение слов в древнелитературном и народном языках. Так, в древнелитературном имеем, как правило, следующий порядок слов: сказуемое, объект, подлежащее; определяемое, определение. Например: «չեն աստուծոյ որդիքն եւ արեւն» „не есть боги солнце и луна“.¹ Определение обычно ставится после определяемого, например: «հոգի աստուծոյ ի վերայ իմ» „дух господний на мне“, «շահագն անգամի տեսնելի իր լռութիւն» „не говори в уши бесчувственного“.²

Напротив, в народном языке, диалектах и современном армянском обычен следующий порядок слов: субъект, объект, предикат; определение, определяемое. Так, еще в древненародном языке (рамкакан) имеем такие выражения: «եւ Իրանք ոչ գրեմեք ասելն» буквально «и они не знаем говорили» (и они говорили, что не знают), «եւ մկրտեալ չէի», «я крещен не был», «նորս իմ բնկերք չէի» буквально «они мои товарищи не были» (они не были моими товарищами)³ и т. д.

Постановка определения перед определяемым естественна и присуща армянскому народу. Это ярко отразилось в таких древнейших топонимических именах и оборотах, как: Հայք ձոր (армян ущелье), Ելու գլուխ (быка голова), Մանիս անի (Масиса подножие), Շահագն վան (Шабапа мо-

¹ С. Малхасян, Գրքերի համաձայնութիւնը, Тифлис, 1892, стр. 120.

² Там же, стр. 83.

³ Айдинян, Քննական քերականութիւն աշխարհաբարի, Вена, 1866, стр. 114.

настырь), *արքայից արքա* (царей царь), *մայ տիկին* (дома гос-пожа), *եղբոր որդի* (брата сын), *Աշտուկենաց տէր* (Рштуниев государь)¹ и т. д. В живой речи говорят *Արշակունիաց աղ-դի բարձունի* „Аршакуниев рода падение“, вместо древне-литературного *բարձունի աղդի Արշակունիաց* „падение рода Аршакуниев“ и т. д.

Такое двоякое расположение слов в армянском пред-ложении несомненно продиктовано различными стадиями мышления, тем порядком, в каком воспринимался мир и взаимоотношения явлений. Как известно, деятель, т. е. субъект выделился из диффузного синтетического предло-жения первобытного мышления раньше действия—сказуе-мого, впоследствии глагола. Имя (подлежащее) осмыслялось в мышлении первобытного человека как первый и глав-ный член предложения, поэтому в народном синтаксисе, сохранившем более древний строй речи, оно стоит на первом месте.

Проблема двух противоположных способов постанов-ки определения также говорит о различной системе мыш-ления, и потому о различной расстановке причины (цело-го) и последствия (части). В первобытном мышлении сла-гаемые осознавались в неразрывной связи с целым и за-тем лишь стали выделяться из первичного целого (в се-мантике это отразилось в переходе названия целого на часть). На следующей стадии развития, когда чувство це-лого было утеряно, порядок слов сменился обратной тен-денцией, что получило свое выражение в синтаксисе дре-нелитературного языка.

Наличие стадияльных расхождений можно усмотреть также в различном строе предложений. В народном языке преобладает простой, неразвитый строй предложения, при-сущий примитивному мышлению. Плавная речь строится здесь последовательной серией отрывочных фраз. В них слабо представлены сочинительные и подчинительные со-юзы, отсутствуют относительные местоимения, больше конкретных деталей, отражающих образное мышление, богатые описательные формы глаголов.

¹ Айдинян, *Դննդան ճերմանութիւն տիրութեամբ*, Вена, 1866, стр. 165.

Напротив, в синтаксисе древнелитературного языка получают широкое развитие сложно-сочиненные и сложно-подчиненные предложения, богато представлены сочинительные и подчинительные союзы и предлоги. Предложная конструкция вообще широко развита в древнелитературном языке. Народный язык избегает предлогов и склонен к беспредложной конструкции. Роль немногочисленных предлогов играют здесь послелоги, служебные слова синтетического периода, возводимые к именным основам, часто с полным сохранением первоначального конкретного значения.

2) Виды предиката-сказуемого

В народном армянском языке ярко отразился образный, конкретный характер первобытного мышления, когда человек мыслил не понятиями, а образами. Потребность в конкретном выражении, это потребность в „живописании“, наглядности выражаемого, потребность выразить то, что может быть удержано зрительной памятью. Отсюда такое богатство описательных форм сказуемого-предиката в народном синтаксисе. Такие аналитические формы сохранились и в древнелитературном языке.

Описательные формы сказуемого составлены обычно из имени существительного + инфинитив глагола, который некогда выступал во всем своем конкретном значении и лишь в дальнейшем превратился в вспомогательное слово без осмысления его первоначального значения. Так, в народном языке широко распространены такие обороты: *բան տնել* «работать», буквально «делать дело», *ծիծաղ տնել* «смеяться», буквально «делать смех», *միտք տնել* «думать», буквально «делать мысль», *գլխի բնկնել* «догадаться», буквально «попасть в голову», *տնձրի ուտել* «вымокнуть», буквально «съесть дождь» и т. п. в древнелитературном языке: *գալի ի միտ* «вспомнить», «прийти к уму», *գալի ի զղում* «сожалеть», «прийти к сожалению», *գալի ի ծնունդ* «родиться», буквально «прийти к рождению», *տնել ցնել* «смотреть», буквально «положить глаз», *ի կտտար գալ* «закончить», буквально «прийти к макушке» и т. д.

Такие описательные формы глагола превратились в неразложимые словосочетания—идиомы. В народном языке особенно распространены сочетания с глаголами *տալ* «дать», *գալ* «идти», *անել* «делать», *դնել* «класть», *սծել* «приводить в движение», *կենալ*, *լինել* «быть».

С *տալ* «дать»: *ցրիւ տալ* «развеять», *զուլս տալ* «клянаться», *աշ տալ* «ужаснуть», *ակը տալ* «замечать», *ժաժ տալ* «двигать», *ձայն տալ* «окликнуть», «отозваться» *քաշ տալ* «тянуть». *տալ* имеет значение «ударить» в: *ծախ տալ* «хлопать в ладоши», *գանգ տալ* «звонить» и т. д.

С *գալ* «идти»: *կռ գալ* «кипеть», *ժաժ գալ* «двигаться» *միտք գալ* «вспомнить», *ձեռքիք գալ* «мочь», *պար գալ* «танцевать», *ման գալ* «ходить», буквально «кружить» (*ման* «круг»), *կուշ գալ* «съежиться» и т. д.

С *անել* «делать»: *ախան անել* «рассматривать», *մտիկ անել* «смотреть», *մատու անել* «помянуть», *մոտ անել* «собрать», *խաղ անել* «играть», «петь», *կուլմ անել* «глотнуть» и т. д.

С *սծել* «привести в движение»: *ձէն անել* «откликнуться» (эхо), *աչք անել* «повести взором», *ման անել* «водить», *քер անել* «чесать» и т. д.

С *դնել* «класть»: *ախան ղ դնել* «слушать», *աչք դնել* «смотреть», *զուլս դնել* «быть внимательным», *ծուկ դնել* «стать на колени», *ոտք դնել* «часто посещать» и т. д.

С *լինել*, *կենալ* «быть» (действие-состояние): *պրախ լինել* «веселиться», «быть веселым», *լաց լինել* «плакать», *զեր կենալ* «встать», *անց կենալ* «проходить» и т. д.¹

С развитием языка аналитические формы глагола преобразуются в сложные слова и воспринимаются как одно слово, но наряду с новой формой сохраняется как пережиток и старая. Так, в современном армянском языке мы имеем *զրուցել* «беседовать» наряду с *զրույց անել* «делать беседу», *բացել* «открыть» наряду с *բաց անել* «делать открытым», *լալ* «плакать» и *լաց լինել* «быть в плаче» и т. д.

Все вышеприведенные примеры наглядно указывают

¹ Примеры взяты из словарей: Ачаряна, Հայոց գովառուական բառարան, Тифлис, 1913. Амадуни, Հայոց բառ ու բան, Вагнершапат, 1912. С. Малхасяна, Հայերէն բացառական բառարան, Ереван, 1944 г.

нам на пережитки стадии образного мышления. Словесный язык рисует и описывает действия и положения предметов так, как они представляются человеку зрительно. Во многих оборотах отразились и существенные признаки ручных понятий. Достаточно указать, что такие глаголы, как *shbhl* «приводить в движение», *mbhl* «делать», *qshhl* «класть», *shhl* «дать» все связаны с движениями руки.

В сознании первобытного человека рисовался, таким образом, конкретный и точный образ действия. С прогрессом же отвлеченной мысли шла убыль описательного материала, который служил для выражения мысли, когда она была более образной.

3) Безличные предложения

Глубоким архаизмом в армянском языке являются так называемые безличные предложения, которые встречаются и во всех индоевропейских языках. Безличные предложения¹ выражают представление о явлениях природы, чувствах и состояниях человека, о бытии, существовании и т. д., причем в них как бы отсутствует субъект—деятель.

Разбирая безличные обороты индоевропейских языков, Мейе (Meillet) писал: „С точки зрения современного человека такой „безличный“ глагол как греч. *βαι*: „дождь идет“ означает, что „дождь падает“, но древнее значение было другое: так как каждое явление природы считалось результатом деятельности какого-то существа, подобного живому существу, то *βαι* обозначало „божество, дух дождит“, и действительно, у Гомера нет формы *βαι*, но зато дважды встречается следующее выражение *βαι δ' ἄρα Ζεὺς* „а Зевс дождил...“. Явления природы обозначаются, следовательно, не безличными глаголами, а третьими лицами, подлежащее к которым—более или менее смутно представляемые божества—точно не обозначены¹.

¹ Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, русск. перевод, 1938 г., стр. 156—257.

Точно также и индеец племени немепу вместо безличной формы «было холодно», употребляет вполне личное построение *hiyawtsana*, буквально «он холодил».¹

В армянском языке к таким безличным предложениям относятся глагольные конструкции типа *shbārlinid ē* «ложит», *luchshinid ē* «светает», *shkhubu* «стемнело» и т. д. К ним же относится так называемая категория состояния, в которой главный член выражен существительным, прилагательным или наречием в сочетании с 3 лицом ед. ч. вспомогательного глагола «быть» (*ē* «есть») — *shē ē* «надлежит», *hshē ē* «желательно», *shrhē ē* «должно», *shjē ē* «прилично», «подобает», *h qnē ē* «напрасно», *shrhē ē*, *rwē ē* «довольно», *shqē ē* «грешно», *hē ē* «жарко», *gnē ē* «холодно», *shwnē ē* «грустно» и т. д. и т. п. Как видим, последние обороты полностью сохранили свое именное происхождение, хотя и приобрели формы времени (*h qnē ē* «было напрасно», *h qnē hē* «будет напрасно»).

Безличные предложения армянского языка нельзя рассматривать вне связи с стадияльными видоизменениями вспомогательного глагола «быть». Сейчас формы бытийного глагола являются в безличных оборотах чистыми формами времен без какого-либо другого лексико-грамматического оттенка, но в генезисе сам бытийный глагол *hē* «быть» восходит к тотему. Палеонтология речи показала, что абстрактное понятие о бытии, существовании есть чрезвычайно позднее достижение человечества. В первобытном мышлении представление о существовании было тесно связано с тотемом и осознавалось через него. Поэтому, понятие бытия выражалось именем тотема, а затем его местоимением. Таким образом, современный бытийный глагол *ē* «есть» (в инфинитиве *hē* «быть») восходит к местоименному названию тотема. Следовательно, *ē* в безличных предложениях есть архаическое подлежащее, деятель-тотем. Предложение типа *hshē ē* «желательно», буквально значило «воля тотема», т. е. «тотем желает», *shbārlinid ē* «тотем дождит» и т. д.

Более конкретное ощущение ирреального субъекта

¹ Мещанинов, Общее языкознание, Ленинград, 1940, стр. 256

сохранилось в диалектических безличных оборотах, в живой речи армян, как например: *օր Ի Խնամ* «хорошая погода», буквально «делает погоду (он—тотем)», *մթնում է* «темнеет (он)», *ցուրտ է Խնամ* «холодно», буквально «делает холод (он)», *տաք է Խնամ* «тепло», буквально «делает тепло (он)», *լուսնում է* «светает (он)», *մրտ է Խնամ* «дождит», буквально «настигает (он)», *այնպէս արձրի մը տրաւ* «такой был дождь», буквально «такой дождь сделал (он)», *չը քաշեց մի քանի* «не прошло и часа», буквально «(он) не протянул часа», *երկար քաշէ* «долго», буквально «(он) долго тянет», *Խնարհում է* «дождит (он)» наряду с *Խնարհ է գալիս* «дождь идет» (пережиток более поздней стадии анимистического мировоззрения), *խիբրին փչեց* «ему вздумалось», буквально «(он) подул на ум» и др. Кроме того, имеются конструкции, где при главном члене стоит дополнение в дат. падеже: *հրէք է քեզ* «довольно тебе», *մեղք է ինձ* «грешно мне», *ամօթ է քեզ* «стыдно тебе», *ցաւ է ինձ* «больно мне» и др. При тотемистическом мышлении такие обороты значили «я одержим тотемом боли, стыда, греха и т. п.», то-есть фактический субъект—человек рассматривался как объект, испытывающий на себе воздействие тотема.

К безличным предложениям армянского языка следует отнести и такие, которые дают представление об ощущениях и переживаниях человека, тесно связанных с действием ирреального субъекта. Предложения эти мыслятся безлично, хотя субъект в них фактически указан. Так, в народных диалектах, говорят: *ալարս գալիս է* «мне лень», буквально «моя лень приходит» (я одержим тотемом лени), *տխմարս գալիս է* «я сожалею», буквально «мое сожаление приходит», *ճանաչս գալիս է* «мне знакомо», буквально «мое узнавание приходит», *հաւատարս չի գալիս* «не верится», буквально «моя вера не приходит», *քանի Խնամ է* «клонит ко сну», буквально «мой сон уносит», *Խնարհի վրէ Խնամ* буквально «меня взял ужас», *գոգը բռնեց* «охватила дрожь» (я охвачен духом ужаса, дрожи) и т. д.

Таким образом, безличные предложения принадлежат к более ранней, пережиточной уже стадии тотемистического мышления, которая нами больше не осознается. „Все

так называемые безличные глаголы: русский „меня лихорадит“, французский *il fait chaud*—жарит, французский *il pleut*, немецкий *es regnet*—он льет с неба, смущают теперь, как исключительные глаголы, ибо, сообщая о состоянии здоровья или погоды, они оформлены, как действительные, вопреки ожиданию нашего мышления, и это вынуждает составителей схоластических грамматик называть их „безличными“, тогда как на деле лицо это, третье, имеется, но это лицо субъект, „он“, „она“ или „оно“, некогда производственный тотем“,—пишет Марр¹.

Следовательно, предложения, которые сейчас воспринимаются нами как безличные, при образном мировоззрении были личные, с подлежащим субъектом тотемом, а затем духом, который по представлению первобытного человека оказывал сознательное, дружественное или враждебное воздействие на природу и человека. Лишь позднее, когда идея тотема, а затем и духа отжила, исчезло и представление о субъекте-деятеле, оставив нам в наследство первоначальную конструкцию, сохранившуюся в форме реликта.

В современных безличных предложениях мы имеем, таким образом, глубокий архаизм, „свидетельствующий о коренной ломке древних форм мышления в связи с осознанием естественных законов природы. Древний ирреальный субъект отпал, но формально он сохранился в личном построении безличных оборотов с использованием личного местоимения или личной глагольной формы.

4) Пассивная конструкция

Ярким реликтом первобытного мышления в армянском языке является так называемая пассивная конструкция предложения, самостоятельно выступающая в древнелитературном языке (типа *գրեալ է իմ*), а затем преобразованная в активное предложение современного армянского языка (*գրեցի իմ*).

Вопрос о пассивном строе человеческой речи имеет

¹ Марр, Язык и мышление, 1931, ИР, т. III, стр. 91—92.

обширную литературу. Над этой проблемой работали такие западноевропейские ученые, как Шухгард (H. Schuchardt), Уленбек (C. C. Uhlenbeck), Финк (F. Finck), Дирр (A. Dirr) и другие¹.

Пассивный строй речи несомненно представляет собой древнейшее состояние, восходящее к тотемической стадии развития человеческого мышления, когда личность из коллектива не мыслила себя самостоятельно действующей, а в ней и через нее действовал весь коллектив с его тотемом.

Особенность разбираемой конструкции состоит в том, что при переходных глаголах логический субъект стоит не в именительном, а в косвенных падежах, а логический объект стоит не в винительном падеже, а в именительном, т. е. говорящий не осознает себя действующим лицом, а как бы испытывает на себе воздействие постороннего деятеля. Уленбек, в результате языкового анализа приходит, как и этнографы, к выводу, что *„pour la mentalité primitive celui qui accomplit l'action, et que pour plus de commodité on appelle l'auteur, n'est pas la raison dernière mais en lui agissent des forces secrètes dont il n'est que l'instrument obéissant et passif.“*² (Для первобытного мышления тот, кто выполняет действие и которого для удобства называют автором, не является сам причиной (действия), но в нем действуют таинственные силы, для которых он лишь пассивный и покорный инструмент).

Пассивный строй речи сохранился в яфетических языках Кавказа, в баскском, северо-американских языках и пережиточно во многих других. Так, в языке северо-

¹ G. Schuchardt, I. Über den passiven Charakter des Transitivs in den kaukasischen Sprachen, 1896, II. Über den aktivischen und passivischen Charakter des Transitivs, 1905—1906 и др. работы.

C. C. Uhlenbeck, Hetpassieve karakter van het verbum actionis, in taales van Noord Amerika, Amsterdam, 1916.

A. Dirr, Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen, Leipz. 1928 и др.

² Revue Inter. des études basques, XIII, № 8, 1922, стр. 889.

американских индейцев от безличного wabata «видим», образуются глагольные формы с местоименной приставкой pinwabata «мною он видим», kiwabata «тобой он видим». Индеец говорит «мною съедено», «мною пойдено», вместо «я съел», «я пошел»¹.

В армянском языке конструкция *mbuhsh t h d, p n, hnrsh* (или *h r*) и т. д. состоит из причастия прошедшего времени (*mbuhsh*) с III лицом вспомогательного глагола (*t*) и родительным падежом личных местоимений (*h d, p n, hnrsh, dhr, dhr, hnrshu*). Бытийный глагол *t*, как мы видели выше, восходит к тотемному местоимению, а еще ранее к тотему. Таким образом, в данной конструкции *t* являлось логическим субъектом-деятелем, *mbuhsh* — сказуемым, а местоимения *h d, p n, hnrsh* и т. д. имели притяжательное значение, так как, как известно, притяжательные, точнее собственнические местоимения возникли раньше личных и обозначали принадлежность не лицам, а всему племенному коллективу. Следовательно, предложение *mbuhsh t h d* могло осмысляться как «мой *t* виденный», т. е. «мой тотем видел», а так как действие тотема переходило на членов коллектива, то предложение «мой тотем видел» означало «я видел» (в косвенной форме «мною видено»)³. Такой строй речи, как видим, выявляет активность не самого исполнителя действия, а чуждой, противостоящей ему силы природы, воспринимаемой в том или ином дериватном образе (тотеме, духе и т. п.).

С развитием логического мышления, когда действующее лицо перенеслось осознанием человека на него самого, в эту конструкцию было вложено новое содержание. Форма магической стадии мышления утратила свое магическое содержание, так как говорящий видел действующим лицом себя, а не чуждую силу — тотем. Понятие тотема исчезло, а местоимение его заменяющее, стало обозначать бытие, существование, т. е. перешло в корень бытий-

¹ Мещанинов, Проблема классификации языков в свете нового учения о языке, 1935, стр. 66.

² См. А. Гарибян, *Նյութի հայտնի լինելը անմահության հետ*, Ереван, 1945 г., стр. 26

ного глагола. Бывшие косвенные субъекты *իմ, քո, նորի* и т. д. стали осмысляться как подлежащие, активные деятели и поэтому предложение *տեսիւմ է իմ* осознавалось активно в смысле «я видел».

Однако, на новой стадии развития появилась потребность выработать новую форму выражения, дать особое обозначение уже активного деятеля. В предложении *տեսիւմ է իմ* появился местоименный субъект, подлежащее, стоящее в прямом падеже (именительном) *ես, դու, նա* и т. д. Потеряв свою функцию, *իմ* присоединилось к слову, с которым издревле было связано, т. е. к корню бытийного глагола и стало показателем спряжения. Образовалась форма *ես տեսիւմ է իմ. մ* в дальнейшем выпало в литературном языке (*ես տեսիւմ էի*), но сохранилось в диалектах. Так, в Астраханском и Араратском диалектах и сейчас говорят *ես տեսիւմ էիմ*.¹

Новое языковое мышление сломало таким образом пережиточную структуру косвенной конструкции, стремясь приспособить старую форму к новому «активному» мышлению.

В древнелитературном языке осознание пассивных косвенных оборотов было уже совершенно утеряно и такой оборот, как *«եթէ տշնգիրի արարեալ էր զիս Աստուծոյ...»*,² «если таким создал его бог»... воспринимался в значении действительного залога, хотя логический субъект, имя существительное «бог» стоит здесь не в именительном падеже, а в родительном (*Աստուծոյ*), а сказуемым является причастие прошедшего времени на *եալ* (логический объект *զիս* стоит в винительном падеже вместо именительного косвенной конструкции, но наличие винительного падежа объясняется приближением переходных глаголов армянского языка к типу индоевропейского глагола). Для передачи же страдательного значения причастия прошедшего времени на *եալ* употреблялся номинативный строй

¹ См. А. Гарибян, *Նյութեր հայոց լեզվի պատմությանը*, Ереван, 1945 г., стр. 28.

² С. Малхасян, *Գրքերի համաձայնությունը*, Тифлис, 1892, стр. 36.

предложения, при котором логический субъект стоял в именительном падеже, хотя воспринимался пассивно, напр. «*აქ ვერაჲ ვიხედნაჲ ზე რაჲს რწმინათჲს*»¹ «не напрасно сказано слово мудрое».

Однако, пассивный строй речи несомненно качественно отличен от того понятия, которое мы теперь вкладываем в термин «страдательный». Форма страдательного залога не соответствует по содержанию пассивно-логическому мышлению. Именно поэтому язык создает специальные способы образования страдательного залога. Так, в народном языке страдательное значение причастия прошедшего времени образуется посредством суффикса *ած*, *ած*, а действительный залог сохраняет древнюю форму на *ել* (*ել*), осмысляемую только как активное действие *რაჲსად ღ* «я пойман», *რაჲლ ღ* «я поймал», *გერაჲს ზ* «написан», *გერა ზ* «он написал» и т. д. (*ელ*, *ვ* есть возвратное местоимение *სე*).

В современном литературном языке пассивная конструкция утратилась, замененная активным строем, но в отдельных случаях пассивный строй еще сохраняется, хотя бы в глаголах чувственного восприятия, диалект. *გულ ზ* *რაჲს* «больно мне», то-есть в безличных предложениях, реликтах магического мировоззрения, где действующим лицом оказывается не человек, а некая посторонняя сила.

V. Морфология

Грамматические категории появляются, как известно, в языках, уже морфологически оформленных и поэтому их нельзя проследить на материале языков древнейшего стадияльного состояния аморфного синтетизма. Но изучение морфологических форм в их стадияльных переходах неизбежно приводят к генезису этих форм, к начальным стадиям языкового процесса, отражающих древнее мышление человека.

Здесь мы также наблюдаем существование ярко противоречивых норм в виде стадияльных пережитков предше-

¹ С. Малхасян, *გრამატიკის საფუძვლები*, Тифлис, 1892, стр. 36.

ствующего состояния. На новой стадии развития язык получает новое содержание, хотя формальная его сторона, морфологическое оформление слов остается пережиточно старым. Эти реликты прежних форм языка дают возможность проникнуть в древнейшее состояние языка, когда еще только начали оформляться так называемые части речи.

1) Местоимение

Армянский язык, который, как известно, является переходным к флективному состоянию речи индоевропейской формации, сохранил в себе пережитки первичных стадий оформления слов, что отразилось наиболее ярко в образовании местоимений и в той роли, какую они играют в склонении и спряжении армянского языка.

Появление местоимений, заместителей имени (тотема) является важным этапом в истории звуковой речи. Именно местоимение и является той первой частью речи, которая взрывает синтетичность аморфного строя и организует качественно различные системы агглютинативного и флективного строя. Марр указывает, что долго личных местоимений вовсе не было. Раньше возникли притяжательные местоимения, точнее собственнические, возвратные, указывающие на принадлежность не лицам, а всему коллективу, а затем уже личные, индивидуальные, причем вначале местоимения воспринимались как тотемически собирательные. Лишь позднее дифференцировались 1 и 2 лица.

Сами местоимения все восходят к именам. Так, в качестве самых древних, возвратных местоимений использованы, как показал Марр, имена, означавшие «душу», «голову», «тело», «кость» и т. д. В армянском языке возвратное местоимение *սի՛ն* означает и «душу». Это реликт той ступени развития, когда «душа» (дух) и «труп» (тело), даже глубже, когда «рука», как магическое средство сигнализировали сущность коллективного человека. *սի՛ն* означало «тело», а на позднейшей, анимистической стадии «душу» и произошло от «руки», что сохранилось в глаголе *հսինակ*

«вручать».¹ К руке (ma ← maп / ban) как к предмету захвата, овладения производством восходят и притяжательные местоимения *h* «мой», *u-h*, *q-h*, *u-h* «его» (полная форма *hsh* «рука» сохранилась в детерминативном родительном падеже *u-hsh-t* и т. д.), *h-hr-ē* «чему-либо» (дат. = отл. от *h* «нечто»);²

Другим местоимением тотемического происхождения является *hr*, *hr* «его», «свой», также восходящее к «руке». *hr* → *hr* (спирантн. *hr*) в значении «руки» сохранилось в слове *hr-hr-shsh* «ассистент», буквально «стоящий (*shsh*) у (*hr-hr*) руки (*hr*)».³

Местоимения, исходя к племенному названию — тотему, означали по единству противоположностей и племя-коллектив, т. е. «все», «много» и каждого из его членов, т. е. «один», «человек». Так, в армянском языке наряду с *hr* «один» от *hsh* (ср. *hshsh* «одинокий») имеем *hsh-ē* «мы», т. е. все племя, коллектив, народ.

Палеонтология речи показала, что как «единица», так и «кто-либо», первоначально без отличия от «что-либо», представляют одно и то же слово, означающее «человек», что мы находим в местоимении *hr* «один» → «нечто», но и «нечто», «человек», *hr* «один» и «что-либо» «кто-либо».

В армянском языке местоимения вообще представлены очень богато и склонение их отличается большим разнообразием. Как пишет Марр — «Здесь, на почве Армении с речью тотемно-магического мышления еще допротомейдской («доиндоевропейской») системы (оттуда и в так называемых армянских диалектах) такое обилие этих местоимений, что можно подумать о «вавилонском столпотворении». Между тем, не учтена стадийность нарастания различных тотемов, следовательно, различных заместителей тотемов, с перерастанием первобытного общества, собственно «простой», точнее диффузной формы его строя

¹ Марр, Безличн., недостат., существ. и вспом. глаголы, 1932, ИР, т. II, стр. 303.

² Марр, Новый поворот в работе по яфет. теории, 1931, ИР, I, стр. 328.

³ Марр, О числительных, 1927, ИР, III, стр. 289.

в сложную, в результате внутреннего социального рас-
слоения».¹

2) Определительный член

Определительные члены армянского языка, которые являются местоименными проводителями имени, также сохранили в себе реликты первобытного мышления. Они являются показателями конкретности понятия и включают в себя притяжательность.

Местоименное сопровождение имени присуще имени и проходит ряд изменений в зависимости от всего строя языка, пока наконец с закреплением флективного строя его структурное значение не отходит на второй план. Но оно сохраняется, как выразитель понятийных категорий единичности или множественности или определенности и неопределенности имени. Определительный местоименный член является пережитком стадии мышления, не способной к пониманию и выражению абсолютных форм без отношения к объекту. Абстрактная идея о предмете без указания на его конкретность относится к более поздней степени развития. Леви-Брюль указывает на то, что во многих языках северо-американских индейцев нет слов для «руки», «глаза» и т. п. частей тела. Слова, обозначающие их, всегда сопровождаются инкорпорированными (вставленными) или приставленными местоимениями «мой глаз», «его рука», «твоя нога» и т. д. То же и в отношении терминов родства — «мой отец», «его мать» и т. д. Туземцы северо-западной Индии вместо «рука матери» говорят «моей матери ее рука» и т. д.² То же мы видим и в абхазском языке, где нет еще абсолютных форм слова без определенных частиц, как например: «рука сестры», буквально означает «чья-то сестра ее рука», означает «нога волка», буквально «волк его нога» и т. д.

В древнеармянском языке местоименные частицы

¹ Март, О лингвистической поездке в восточное Средиземноморье, М—Л, 1934 г., стр. 65—66.

² Леви-Брюль, Первобытное мышление, русск. перевод 1890 г., стр. 111—112.

и, 7, ь указывают одновременно на определенность и притяжательность: *šwīnāq-ū* «я дитя», «мое дитя», «это дитя» (предмет, близкий к I лицу), *šwīnāq-q* «ты дитя», «твое дитя», «то дитя» (предмет, близкий ко II лицу), *šwīnāq-ū* «он дитя», «его дитя», «то дитя» (III лицо). Здесь наглядно выступает связь с конкретностью понятия и связь предмета со сферой лица. В древнелитературном языке эти определительные частицы ставятся не только к именам существительным, но и к глаголам, так, например, *pr qrb-ḡwī-ū* означает «тот (он), который написал», *qrr šwīnāq-q* «то, что (ты) сказала», что указывает на пережиток первичной недифференцированности имени и глагола.

Определительный член-местоимение восходит, как мы знаем, к тотему, как и личные имена. Поэтому в древнелитературном языке собственные имена не принимают определительного члена, как например, в предложении «*šwīnāq-ū k šwīnāq-ū šwīnā qrb-ḡwī-ū* „Андрей и Филипп говорят Иисусу“». Не получают определительного члена и названия единичных природных явлений—солнце, луна, земля, море, небо, восток, запад и т. п., а также бог, часто и царь—так как все они восходят к тотемам.

3) Склонение

Палеонтология речи установила, что местоимения тесно связаны с развитием склонения. Первый тип склонения представлял собой изменение не самого слова, а стоящего рядом местоимения, впоследствии слившегося с ним. В древнелитературном языке наряду с флективным образованием падежа сохранились реликты именно этой первой стадии местоименного склонения. Как указывает Марр, «оставаясь в пределах той же формальной категории определения имен сначала местом, затем местоименным элементом и наконец падежом родительным, мы в языке даже переходного типа от яфетической системы к прометеидской, именно в армянском, наблюдаем при явной флективности наличие предшествующей ей через полосу агглюти-

нативности местоименной увязки".¹ Так, например, в древнелитературном языке наряду с флективным изменением слова в склонении, с показателями *ш, к, н, р, п* сохранились и падежные окончания, агглютинативно-местоименные частицы.²

Так, в родит.=дат. падежах именного и местоименного склонения мы имеем падежные окончания *р, ъ, јѣ, ѓ, р*.

а) в Родительном падеже *р* есть лишь остаток первоначального окончания на *рѣ*, которое сохранилось в местоименном склонении, где имеем окончание род.=дат. на *рш, рѣ, рѣ, р* (Род. *ип-рш* от *иш* «этот», Род. *шју-р* от *шју* «этот», Род. *ип-рѣ-ѣ* от *ипѣ* «этот», «самый»). *рѣ* есть омертвелый местоименный суффикс, восходящий к возвратному местоимению *рѣр*³ (55).

б) Окончание *ѣ, јѣ* есть остаток полного окончания *ѣн*, а *рѣ* есть основа возвратного местоимения *рѣ* с местоименным придатком *ѣ* (152). Отсюда *рѣ-ѣн* «сам», «самый».

в) Окончание *ѓ* сохранилось в так называемом детерминативном Род.=Дат. падеже местоименного склонения с видоизменениями *ѓш, ѓѣ, ѓѣ, ѓ, ѓѓ*, которые являются остатком полной формы детерминатива *ѓѣн* (map ← wap) (Род. *ѣ-ѓш* от *ѣш* «он», Род. *ѓѣр-ѓѓ* от *ѓѣр* «наш», Род. *шју-ѓ* от *шју* «этот» и т. п.).

Суффикс *ѓѣн*—это древнее местоимение—тотем, микрокосмически означавшее «руку», при родовом строе означало «племя», «коллектив» и «дитя», «сын» (один из коллектива). Так, *ѓѣн* в значении «сына» пережиточно налицо в *ѓѣн-ѓѣ* «дитя», «отрок», *ѓѣн-р* «мелкий», *ѓѣр-ѓѣн-рѣ* «отрок», «юноша», где оба корня выступают со значением

¹ Марр, Яфетическая теория, 1927 г., ИР, т. II, стр. 111.

² Подробно об этом смотреть в статьях А. С. Гарибяна „Գրգռքի հարգման արտերի մասին“, Изв. АН Арм. ССР, 1946 г. № 1 и „Մարդ և հայերենի ակունքները՝ Բյան նոր գրգռքը“, Изв. АН Арм. ССР, 1946 г. № 5, где склонение и спряжение армянского языка рассматриваются в свете учения о стадильном развитии языка. Материалы этих статей использованы в главах о склонении и спряжении настоящей работы.

³ Марр, Грамматика древнеармянского языка, СПб, 1908, (в скобках указаны страницы).

«сын» (раг «сын», шап, «сын», ср. русск. пар-ень). Таким образом, армянский язык сохранил в родительном падеже построение, восходящее к древнейшей эпохе, когда падеж этот воспроизводил социальные взаимоотношения коллектива. Окончание этого падежа есть слово, означавшее «дитя», один из членов коллектива, т. е. «человек». Оно обозначилось названием тотема, божества. Ранний вид такого тотема это «небо», «солнце», «светило». Как один из дериватов «неба» *ման* сохранилось в армянском языке в значении «круга», «поворота», отсюда глагол *մանել* «прясть» («кружить веретено»), *ման գալ* «искать», буквально «кружить», диал. *թանման* «прыгающий танец» (*ման* «танец» + «круг», «хоровод») и др.

Тот же детерминатив *ման* встречаем и в отлож. падеже (Отл. *ն-ման-է* от *ն* «он», *ալման-է* от *ալմ* «этот», *մեր-մ-է* от *մեր* «наш» и т. д.). Окончание отлож. падежа на *է* есть позднейшее явление: *է* присоединилось к готовой форме падежа (140).

В творительном падеже мы имеем окончание *ւ*, *ի* (*ի* переходит в *ւ* при согласных основах). Это *ի* есть также остаток полного окончания местоименного суффикса *իին* (имеющего в основе возвратное местоимение *իւ*), который сохранился в местоимениях и адвербиальных выражениях Творит. *իւր-իւր* «собою», *էր-իւր* «верхом», *երան-իւր* «стаями» и т. д. (55).

Для множественного числа древнелитературный язык имеет окончания *ք*, *ց*, *ւ*, причем в них нет ничего падежного, они присоединяются к падежным формам единственного числа и являются лишь показателями множественности. В языках более древнего типа, где еще нет склонения (в абхазском), те же показатели играют роль лишь множественного числа *q* (*ք*) для существ неразумных, *ց* для существ разумных. Поэтому в древней пассивной конструкции предложения, как мы видели, объект стоит в форме имен неразумных (в именительном падеже), а субъект — разумных (в косвенных падежах).

Показатели множественности, как известно, восходят к той древней стадии развития, когда не было еще ни па-

дежей, и чисел, и они служили лишь признаками племенной принадлежности. Так, в окончании именительного падежа *q* (*p*)—мы имеем остаток слова *qini* «сын» (усеченное *qi* урартской клинописи). При тотемическом строе *qini*, как указывает Марр,¹ означало весь коллектив, «дети», «сыны», не только в отношении численности (множественное число), но и прав (местоимение).

В окончании винительного падежа местоименное образование *s* (*u*) также есть пережиток слова, при родовом строе означавшем «дитя—дети», что сохранилось, как показал Марр,² в личных именах (раньше тотемах) *Urmish-ri*, *Ush-ri*, в топонимике *Sr[un]-ri*, названия крепости в Шираке, *Ymish[un]-ri*, *Rimish-ri*, *Uql[un]-ri* и др.

Таким образом, как мы видели, падежные окончания склонения древнелитературного языка восходят к местоименным основам и являются более древними, чем внутренняя и внешняя флексия.

4) С п р я ж е н и е

Одной из характерных черт армянского языка являются реликты архаичной системы в спряжении армянских глаголов, когда они были в почти аморфном состоянии, т. е. не имели соответствующих флексий и различались личными местоимениями.

Известно, что в языках древнейшей системы вовсе не существовало категории глаголов. Действия или состояния предметов выражались определенным порядком в расположении имени и служебных слов—местоимений, которые показывали то или иное отношение к предмету и к его действию. Имя и глагол не различались без местоименных аффиксов. Соединение местоимений с именами и породило грамматические формы глагола и имени существительного (точнее, его определенных падежей). Местоимения, таким образом, выполняли в древнем предложении двойную функцию—показывать пространственные и временные отноше-

¹ Марр, Языковая политика афетич. теории и удмуртский язык, 1931, ИР, т. V, стр. 514.

² Там же, стр. 486.

ния слов—предметов, т. е. образовали склонение и спряжение. Отсюда такое скопление местоимений в спряжении и богатство глагольных форм в языках яфетической системы.

Местоименные показатели глаголов, как признаки первичного спряжения сохранились и в спряжении армянских глаголов, но процесс соединения местоимений был здесь несколько иным. Они присоединились к формам вспомогательного (бытийного) глагола, в свою очередь восходящего к тотемному местоимению, как мы видели в главе о безличных предложениях.

Так, в I лице к бытийному глаголу *t* (или его разновидностям *m*, *h*, *n*, *nl*) присоединяется *d* или *h*. Это остаток полного окончания *hd*, т. е. Родительного падежа от личного местоимения *hi* «я» (еще ранее—притяжательное местоимение «мой»). Полная форма *hd* сохранена в глаголах страдательного залога—*hnl-hd*, *nh-hd*.

Во II лице к бытийному глаголу присоединяется *n* или *r*, *hr*.

В III лице или нет местоименного показателя или присоединяется *j*, *l*, *jr*.

Все эти окончания—*r*, *hr*, *j*, *l*, *jr* являются остатками полной формы возвратного местоимения *hrhr* (основа *hr* resp. *h*). Ту же основу имеем в *nl* resp. *l*, *q* и в новоармянском спряжении для образования страдательного залога, например, *qrhg* «написал» имеет страдательную форму *qrnlhg*, *qr-hg* или *qr-qhg*, буквально «он написался».

Окончания множественного числа *de*, *e*, *h*, как и в склонении, являются только показателями множественности.

Таким образом, окончания спряжения армянских глаголов являются притяжательными или возвратными местоимениями, которые присоединяются к той или иной основе бытийного глагола (*h*, *m*, *n*, *nl*, *h*).

В спряжении глагольных основ Ново-Джугинского диалекта мы встречаем местоименный суффикс *dmh*, что является отличительной особенностью этого диалекта. Суффикс *dmh* присоединяется к основе глагола. Так, *mqrh* «жить» спрягается: *mqr-dmh md*, *mi*, *m*, *mhde*, *te*, *mh* (бытий-

ный глагол *մ*). *միշ* «остаться» — *մի-ման մի* и т. д., *նեղանալ* «стесняться», «обижаться» — *նեղա-ման մի* и т. д., *տալ* «давать» — *տալ-ման մի* и т. д. Так спрягаются глаголы среднего и страдательного залога и *verba sentiendi* — *զախ-ման մի* «боюсь», *շար-ման մի* «мне жарко», буквально «жарюсь», *շարժ-ման մի* «судивляюсь», *շարժ-ման մի* «двигаюсь» и др.¹ Здесь снова выступает явный пережиток недифференцированности имени-глагола. Так, форма *շարժման* является в древнелитературном языке Родит. = Дат. падежом существительного *շարժումն* «движение». Отложит. падеж имел форму *ի շարժմանէ*, откуда образовалась личная глагольная форма *ի շարժման եմ* «я в движении», т. е. «я двигаюсь», что сохранилось без предлога в Ново-Джугинском диалекте, *շարժ-ման մի*, как предполагает Г. Ачарян.²

Первичная недифференцированность имени-глагола в сознании человека отразилась и в инфинитиве древнеармянского языка, который употреблялся и как имя существительное. Так, например, с предлогом *սո* в винительном падеже инфинитив имел значение существительного: *սո տեղ* «от ненависти» (ненавидеть), *սո հոգալ* «от заботы» (заботиться), *սո տղաղակել* «от крика» (кричать) и т. д.

5) Г л а г о л

Реликты первобытного мышления вскрываются, как мы видели, в армянском языке и в такой, казалось бы отвлеченной категории, как существительный глагол *ել* «быть». Марр показал, что на первичных стадиях развития звуковой речи ни имя, ни глагол не выражали ничего абсолютного, вне соотношений с окружением, вне связи с коллективом-тотемом. Более того, палеонтологическим анализом вскрывается, что на ранней ступени сознания отсутствовало даже само понятие «быть», как и соответствующее ему

¹ Г. Ачарян, *Քննարկում նոր-Հայաստանի բարբառի*, Ереван, 1940, стр. 249—50.

² См. там же, стр. 256.

слово «есть»¹. Когда же возникла потребность в его выражении, то было использовано слово, служащее для образования глагола-действия—«иметь», «владеть» т. е. имя «руки», так как, по словам Марра, «еще не существовало представления о независимом, абсолютном бытии, признавалось существование лишь того, что находилось во владении, во власти или в пользовании, в руке коллектива, для нас—общественной силы, а для человечества той первичной ступени стадияльного развития—неведомых, магических сил»².

Вспомогательный армянский глагол *ել* сохранил в себе эту функцию владения, так как он одновременно с «существовать» означает и «иметь». Таковы предложения древнелитературного языка. «*Ինքն է երկիր, և ջուր, և օդ*»... «ему принадлежат земля, вода и воздух», буквально «его есть»... или «*Եղև ինքն վեցերեք եղբայր և զմեքեր հինգ*» «имел он семь сыновей и три дочери», буквально «был его»...³. В диалектах мы также встречаем глагол «быть» в функции «иметь», так например, в народе говорят *հալ ըլլալ*, буквально «кашель быть», *հարակ լինել*, буквально «насморк быть», *տակ-տեղ ըլլալ* «дом-место быть» вместо «иметь кашель» (кашлять), «иметь насморк»; «иметь дом» и т. д.

В древнеармянском языке употреблялся другой бытийный глагол *իք*, что означало «существует» (употреблялся в III лице). В народном языке сохранилось первичное осмысление этого термина, как имени, а не действия: *իք* в диалектах означает «вещь», «предмет».

¹ Интересно отметить, что почти ни один из языков современных низших обществ не имеет глагола *быть*. В языке кламатов глагол *жи*, который его заменяет, является на деле указательным местоимением «этот» в глагольной форме. Приняв глагольную форму, местоимение это стало означать: *быть здесь, быть в том или ином месте...* (A. Gatschet, The Klamath Indians of southwestern Oregon, Washington, 1898). Укажем на то, что и указательное местоимение «этот» восходит к «руке», как отложение ручной речи.

² Марр, Актуальные проблемы и задачи яфетич. теории, 1926, т. III, стр. 67.

³ Малхасян, *Գրքերի համալսման քերականություն*, Тифлис, 1892, стр. 60.

Восприятие бытия, собственно нахождения у кого-либо во власти, во владении, в руке наглядно всплывает в древнелитературном глаголе *սենի* «иметь», буквально «быть у кого-либо в руке». *սենիմ* «имею», буквально значит «рука (*սեն*) есть моя (*իմ*)». Диалектически в живой речи *սենիմ* появляется с прибавкой *իմա*, *քեզ* и т. д. *իմա սենիմ*, *քեզ սենիմ*, что буквально означает «мне рука есть моя», т. е. «я имею». *սեն* в значении «руки» сохранено в древнелитературном *սենի* в смысле «держатъ», «овладеть» (действие рукой) „*սենի լաւաւորս*“ держать лампаду, „*հրաւան հաւ սենի զԴաւիթ*“ „дал приказ овладеть Давидом“ и т. д.¹ Еще явственнее это значение наличествует в словах *սենիթ* и *սենիթաւ*, означающих «щипцы», буквально „хватальцы“.

Глагол «быть», восходя к владению коллектива, к руке, тем самым выражал и его тотемическую сущность. Так, палеонтология речи вскрыла, что основа бытийного глагола означала космическое представление «небо», «солнце», социально «тотем», «бог», «жрец», названия которых были затем перенесены в микрокосм, на человека, его руку и т. д. Основа армянского глагола *ել* (*ելի*) также восходит к «солнцу», что сохранилось в глаголе *ելանի* (*el-anel*) «выходить», «восходить» с основой *el* «выход», некогда обозначавшей «солнце». Следовательно, можно проследить превращение *ել* по стадиям мышления: 1) на стадии космического мышления *ել* означает «солнце», «светило», 2) тотемистического — *ել* тотем — его местоимение, 3) микрокосмического *ել* «рука», глагол «иметь», (*el* — *hel* || *qel* «рука») 4) формально-логического — *ել* вспомогательный (бытийный) глагол «быть».

6) Ч и с л и т е л ь н ы е

Зарождение числительных несомненно принадлежало древнейшей эпохе в развитии языка, по мысли Марра — эпохе, предшествующей звуковой речи. Потребность в выражении количества, числа предметов должна была ощу-

¹ Малхасян, *Հայերէն բառարանին քննարկ*, Ереван, 1944, т. III, стр. 601.

щаться человеком с ранней поры его хозяйственной и культурной жизни. Мышление пралогическое, по мнению Леви-Брюля умело считать еще до того, как были выработаны понятия чисел, для чего первобытное человечество выработало различные приемы для различных видов множественности.

В числительных ярко отражена стадия образного ручного мышления, когда рука служила средством не только указания, но и исчисления предметов. Единство системы исчисления рукой или руками это, как указывает Марр¹ одно из наследий, полученных звуковым языком от ручного. В ручной речи исчисление производилось с помощью руки в двух основных значениях—«руки-длани» и «руки-пятерни». Один и тот же образ «руки-длани» (кисть в целом) служил для выражения «единицы» и «двойки», а образ «руки-пятерни» (кисть с пятью пальцами) служил для выражения «пяти» и «десяти». В звуковой речи это восприятие целиком легло в основу построения числительных.

На материале армянских числительных четко прослеживается первичное оформление с «рукой» в основе. В значении «одного» мы имеем в древнелитературном языке *մի* (народн. *միմ, միկ*) от архаичного *մէ; մէն (մէն* «один только», *մենակ* «одинокый», народн. *քմիմ* «кто-то», буквально кто-то один), восходящего к *ման*, означавшего некогда «руку». *ման* с видоизменением *ման* (*man / ban*) сохранилось в значении «руки» в *ման-ի* «работать», «делать», *ման-ալ* «открыть». Самостоятельно *man* выступает в урартском *man* «делать», «строить» (рукой), *manini* «он сделал» и т. д.²

В значении «одного» всплывает и другое слово, восходящее к «руке» *եր* || *шр*. Оно выступает в говорах в *եր-шр* «друг-друга», буквально «один одного», как и в древнелитературном *մի-մե-անց* «друг-друга» буквально значит «один одного» от *մի* «один». *шр* в значении «руки» имеем в глаголах *անիւմ* «взять», «закрыть» (*անիւմ դռան* «закрыть дверь»), *անիւմ* «делать», «вынуть», «достать». *եր (հեր)*

¹ Марр, О числительных, 1927 г., ИР, т. III, стр. 273.

² Мещанинов, Язык ванских клинообразных надписей, Труды ИЯИМ 1932, стр. 129.

в значении «руки» сохранено, как мы видели выше, в слове *ḥnḥrḥw* «ассистент».

Та же форма *br* использована с амплитудой семантического колебания между «единицей» и «двумя» в значении «двух», именно *brhnl* «два», буквально «рука+рука», так как вторая часть *hnl* есть пережиток *hnr-hnr*, также восходящая к «руке». Акающая форма *hwr* со значением «руки» сохранена в слове *hwr* «сила», «мощь», а со значением «два» — в неударном слогe *hr-hrh* «двухкратный», «двойной», *hrhshshhhl* (удвоить)¹, где вторая часть *hrh* (ker—kin) в смысле «раз», «жды» также является конкретным именем «руки» (отсюда по семантическому пучку «рука+женщина+вода» означает и женщину—армянск. *hrh*—*hsh-shj*). Следовательно, *hr-hrh* «двухкратный» буквально значит «рука+рука». В связи с элементом *kar* в значении «руки» интересно отметить глагол *hwhhshhl* (*kar+kar+el*) «вытянуть вперед», «удлинить» (буквально рука+рука), *hwhhshshhl* (*kar+kar+un*), «выступающий», «выдающийся» (рука+рука) и *brhwr* (eg-*kar*) «длинный» (рука+рука), где мы имеем определенный пережиток ручного мышления.

Форма $h_r \leftrightarrow h_r \rightarrow h \leftrightarrow f$ образует и «три», h_r-h-p буквально «2(h_r) + 1($h \leftrightarrow f$)», в винительном падеже h_r-fu , в народном языке h_r-h-p .

Спирантная разновидность *šwr* «рука-пятерня» использована в числительном *šwršwr* «сто» (народн. *šwršwr*), буквально «десять десять», но это позднейшее уточнение. Вначале вторая часть *šwr* (*šwr*) означала «много» (ср. *šwr* «бесчисленное множество»), следовательно, *šwršwr* могло осмысливаться как «много рук». *šwr* в значении «руки» имеем в глаголе *šwršwr* «ударить». *šwršwr-šwršwr* «много» в дальнейшем стало обозначением числительного. В древнелитературном языке *šwršwr* означает «десять тысяч» (ср. груз. *bevt* «много» и урартск. *buṛ-a* «десять тысяч»). В числительном «четыре» сохранилось представление о животном, как четвероногом существе. Марр указывает, что в основе *šwršwr* лежит название животных, имевшихся в первобытном хозяйстве:

¹ М а р р, О числительных, 1927, ИР, III, стр. 290.

животных передвижения—олений, собак, коней, животных питания—овец (гєсп. коз), коров. Каждое из них всплывает в роли 4-х. Главным образом выступает название овцы, древнейшего в мире культового животного. В армянском числительном «четыре» также вскрывается название овцы. Так, для числительного «четыре» мы имеем две разновидности—сибилянты. չորբք, չորք, народн. չորս (Вин. падеж) (չորգ, չորգ) и спиранты. քար (qar) քարքար «четверть», քարաքար «сорок», восходящее к названию овцы քարի (gar-əp) «ягненок», յոչքար (voč-qar) «овца» (ср. арабск. gağ+u—i «ягненок»), по спирантному ряду kağ→gar→qar. Армянское vočqar отложилось в значении «четырех» и в грузинском 'v'—očq «четыре».

Арханческим пережитком в армянских числительных является также грамматическая категория числа, признак именного склонения. Так, երկու имеет форму множественного числа: Им. երկուք, Винит. երկուսի «два», չոր, չորբք, չորս «четыре», երեք «три» и т. д.

Вообще, чем древнее, тем меньше было в представлении о числе отвлеченных понятий и больше физической, образной природы. В живой армянской речи часто вместе с числительными употребляются конкретные имена, так называемые нумеративные слова, уточняющие сами числительные в их отношении к предмету счета. В качестве таких нумеративных слов в армянском языке отчетливо выступают названия частей тела. Так, например, в армянских диалектах встречаются следующие нумеративные слова: բերան, «рот» в смысле «раз»—քանի բերան «сколько раз», буквально «сколько ртов», առաջին բերան «первый раз», буквально «первый рот», մեկ բերան «единогласно», «один раз», буквально «один рот», գլուխ «голова» в смысле единицы счета հինգ գլուխ առաջ «пять голов луку», երկու գլուխ առաջ «две головы овец», տուն գլուխ «каждый дом», буквально «(каждая) голова дома», մի քանի գլուխ ջրի գնաց «несколько раз пошел за водой», буквально «несколько голов...» и т. д. մեկ «рука» в смысле «пара»—մի ձեռք շոր «одно платье», буквально «одна рука платья» մի ձեռք խոզանիք

«поиграем один раз», буквально «поиграем одну руку» и т. д. *hraf* «нога» в смысле «раз» — *hrhni nhr qhshgh* «я пошел 2 раза», буквально «2 ноги» и т. д.

Здесь ярко выступает конкретность, предметность числа, неразрывно связанного с представлением о частях тела. Хотя числа уже имеют названия и есть система счисления, но числительные, как видим, еще не получили того абстрактного значения, лишенного всякой предметности, той математизации, которая характерна для следующих, более поздних стадий развития.

7. Предлоги

В предлогах армянского языка также вскрываются реликты той отдаленной стадии развития языка, когда они были словами, имевшими самостоятельное семантическое значение. Палеонтология речи вскрыла, что для обозначения места и направления предметов употреблялись слова, означавшие члены тела. Это было связано с образным, зрительным мышлением и ручной сигнализацией первобытного человека. Такие слова, как «рука», «глаз», «рот», а также «небо» (означавшее одновременно «голову») имели, кроме своего материального значения, другое, как-бы надстроечно-добавочное по функции обслужить увязку слов в предложении. Члены тела оказались предлогами, послелогами или наречиями со значением: *рука*—через, около, близ, *глаз*—на виду, перед, *рот*—на краю, у, *небо*—вверху, *земля*—внизу, внутри и т. д. и т. п.¹ Впоследствии слова эти стерлись, обратились в флективных языках в пережитки-звуки и таким образом, функциональное значение пережило их основное значение, как самостоятельных слов, которое сейчас приходится откапывать путем палеонтологических изысканий. Ясное дело, если не подойти к этим надбавочным функциональным значениям палеонтологически, — указывает Марр, — то никогда вы не только не вскрыете происхождения данного явления, данного окон-

¹ Марр, Родная речь—могучий рычаг культ. подъема, 1928, ИР, т. V, стр. 414.

чания или суффикса, данной приставки или префикса, данного звука, но вы не овладеете в полной мере, и главное, надлежащей мере ни подлинной техникой, ни подлинным смыслом того или иного звукового явления, вы никогда не поймете структуры языка¹.

В древнелитературном армянском языке предлог *առ* «к», «около», «на», (с Вин. пад), «близ», «подле» (с Твор.), «от», «у», «близ» (с Дат.=Род.) хранит в себе значение «руки» → «бока» → «стороны». *առ*, как мы видели выше, всплывает в таких словах, как *առնել*, *առնել* «делать», «брать» и т. д. В диалектах, в том же значении предлога *առ* выступают слова, также имеющие значение «руки». Так, предлог *մօտ* «около», *մօտի* «близко», *մեկ մօտ* «к нам» сохранился в значении «руки» в диалектическом глаголе *մօտի*, *մօտի* «касаться рукой», «осязать»². Не случайно, очевидно, употребление в народном языке с предлогом *մօտ* притяжательного местоимения — *իմ մօտ*, *քո մօտ* и т. д., буквально «моя рука», «твоя рука», т. е. «ко мне», «к тебе», вместо литературного *իմ մօտ*, *քո մօտ*. С определительным членом предлог *մօտ* выступает как имя существительное, т. е. раскрывает свое древнее значение, так, предложение *մօտ-դ թող մնա* «пусть останется у тебя» некогда значило «пусть останется в твоей руке», *մօտի-ն տնցա* «прошел около него», буквально означало «прошел у его руки» и т. д. В той же функции выступает слово *կռկռ* «рука»: *մեր կռկռն եկա* «к нам пришел», буквально «к нашей руке пришел», *կռկռ* «сторона»: *մի կռկռ* «с одной стороны», буквально «с одбой руки». Для указания направления употребляется также слово *կողք* «бок», «ребро»: *մեր կողք* «к нам», «в нашу сторону», буквально «к нашему боку», «ребру», *իմ կողքին* «около меня», буквально «у моего бока». В живой речи говорят *առնելի ետե* «очень близко», буквально «за ухом». В древнелитературном в значении «сбоку», «рядом», «близ» имеем *ընթեր* (*ընդ չեր*) и *յերի* (*եր*, *չեր* «рука»), буквально «у руки», «около руки» и т. д. Древнели-

¹ Марр, Родная речь — могучий рычаг культурного подъема, 1928, ИР, т. V, стр. 415.

² Малхасян, Հայերեն բարբ. բառ. т. III, стр. 380.

тературное *ի ձեռն* «посредством» буквально означает «рукой». Предлог *resp.* послелог *հանդերձ* «вместе с» буквально значит «рука с рукой» *հան* (*ան*) «рука» (*հան-ել* «извлечь», «достать») *դեր* (*ер*) «рука».

Понятие «перед» связано в армянском языке с «лицом», «глазом», «ртом». Так, предлог *resp.* послелог *առաջ, առաջի, առ աչք* «перед», «против» буквально значит «около глаз», «у глаз» (*աչք* «глаз»). Другой предлог *դէմ, դիմաց* «перед», «против» связан с «лицом» (*դէմ-ք* «лицо») *դէմու-դէմ* или *դէմ առ դէմ* «напротив», «друг против друга» буквально означает «лицо перед лицом». Отсюда глагол *երես դալ* «предстать», буквально «прийти к лицу» (*երես* «лицо»). В древнелитературном *բերան ի բերան* «друг против друга» буквально означает «рот у рта» и т. д.

Предложное слово *վերևից* «сверху», «над», из *վեր* «вверх» связано в основе со словом «небо» (в диалектах сохранилось *վրան*—*vəraṇ* со значением «небо» и его дериватом «голубой»¹). То же слово имеем в предлоге *վայր* усец. *վէր* или *վար* «вниз», «внизу» в значении «неба² нижнего—земли» (*վայր*—«местность»←«место»←«земля»). Отсюда предлог *վրայ* (*vəray*) «на», т. е. буквально «поверхность»→«земля».

С тем же значением «небо¹ верхнее», «небо² нижнее—земля» имеем древнелитературное *ի ներքոյ* «вниз», *ներս* «внутри». В араратском диалекте *նի* (*ner*←*nir*), в соединении с глаголами означает «вверх» (*նի ելնել* «подняться»), «на» (*նի հանել* «напасть»), «внутри» (*նի թողնել, նի մտնել* «впустить», «войти внутрь»).² В *նի* (*ni*) мы имеем также урартский послелог *ni* «для», «из-за кого» или «от кого»³. В том же значении он сохранился в армянском *առ-նից* «от кого», *իմ-նից* «от меня» и т. д. В народе говорят *նի մնալ* «ждать», буквально «остаться из-за». В диалектах сохранилось первичное осмысление слова в значении «рука» в глаголе *նի գալ* «касаться», «тронуть».

¹ Малхасян, *Հայերէն բաց. բառ. ք.* т. IV, стр. 357.

² Малхасян, *Հայերէն բաց. բառ. ք.* т. IV, стр. 461.

³ Мещанинов, Язык ванских клинообразных надписей, Труды ИЯИМ, стр. 80.

а) Показатели множественного числа.

В показателях множественного числа и в суффиксах армянского языка вскрываются, как и в предлогах, самостоятельные слова синтетического периода, тогда одновременно игравшие и служебную роль.

Понятие множественности, как восприятие и осознание предметов есть признак более древнего, подлинно первобытного диффузного мышления, как это выяснено палеонологией речи. „Когда в языке и не было вовсе форм множественного числа,—пишет Марр,—представление о предмете было множественное, как не одна песчинка, не один волос, не одна пылинка, а вообще песок, волосы, пыль, так не одно дерево, а деревья, не один человек, а люди, собственно конкретно племя или род, притом (это самое важное) определенное, а не вообще отвлеченное племя“.¹ Слова, таким образом, мыслились в коллективно-собирательном смысле и не имели еще морфологических показателей единичности и множественности. Когда же первобытный человек дошел до восприятия единичного предмета, еще позднее, до восприятия себя вне племени, вне коллектива, как индивидум в единственном числе, стало оформляться единственное число. Показатели множественности, уже осознанного множества единичных предметов появились в еще более позднюю эпоху. Прimitивное (пралогическое) мышление, судя по многочисленным примерам, приведенным у Леви-Брюля, первоначально не пользуется формой множественного числа. Оно выражает не просто множественное число, а различные его виды, как это мы видим в языках папуасов, в языках Новой Гвинеи и Меланезии. Лишь постепенно вырабатывается отвлеченная категория множественности. Палеонтология речи вскрыла, что категория множественности выработалась в результате длительной эволюции, пройдя ряд стадий, причем показатели множественности первоначально означали множество не са-

¹ Марр, Происхождение терминов „книга“ и „письмо“ в освещении яфетич. теории, 1927, „Книга о книге“, Л. стр. 45—82.

мого предмета, а его владельца, были признаком принадлежности данному коллективу-племени. Следовательно, это были слова, означавшие «тотем» — «племя» — «коллектив». С диалектическим единством противоположностей то же слово означало и «один из коллектива» — на родовой стадии — «дочь», «сын», «потомок». Отложение слова «дитя», «потомок», «сын» пользуется огромным распространением в качестве форматива этнических названий, коллективных понятий, вообще показателей множественности. Марр указывает, что показатели множественного числа имеют существенное значение для определения этногенезиса народа. Определенная форма племенных названий свидетельствует о господстве соответствующей этнической массы, свидетельствует о влияниях, объектом которых она явилась.

В армянском языке показателями множественного числа являются *hsh* → *sh* || *hr*, *sh*, *ch*, *sh* (в народном языке) *f*, *g*, *n* (в древнелитературном). Эти окончания принадлежали различным племенным группировкам древнейших обитателей Армении. Так, показатель *f* (*q*) это усеченное *qin* «дитя», «сын», наличное в урартских клинообразных надписях 9 в. до н. э. Как племенное название *q*, *ini*, *un*¹ сохранилось в окончаниях армянских династических и княжеских родов *Ushsh-nsh*, *Urzh-nsh*, *Rgh-nsh*, *Rshsh-nsh* и т. д. То же окончание *q* мы находим и в названиях местностей, так как племенное название переходило не только на коллектив, но и на место действия этого коллектива, на его строительство по ряду: «тотем» resp. «название племени» — «его стоянка» — *Ursh*, *Urzhsh*, *Urzhsh-nsh* и др. В древнеармянском языке Армении, как и армяне называлась *zaj*. *qin* в значении «дитя» сохранилось и в армянском *shsh-rsh* «служанка», «девушка», буквально «женщина-дитя».¹

К тому же *qin*-l с огласовкой на *a* восходит и древний народный показатель множественности *sh*, *hr*, например, *hsh-sh* «женщины», *rshhr-sh* «друзья», *qhsh-sh* «головы», *hrsh-sh* «огни», *qshshshsh-sh* «причины» и др.

¹ См. Марр, Термины из абхазо-русских этнич. связей, 1924, ИР, У, стр. 131.

Тот же суффикс *hwn, -wn* мы встречаем и в родовых именах *Umdrlqnwn, Ymdwrlwn, Umrwgn* и др. Он употребляется с именами людей и животных (*drwn, rznwn, dwn-hwn*), что подчеркивает его тотемическую сущность.

Другой архаичный показатель множественного числа, как полагают, некогда двойственное число *np, qh || hp, mznr* «глаза», *pnpr* «ноги», *jobpr* «брови», *sqh* «лазы», *dwnrp* «чаны» и др. восходит к племенному названию *map* — *van || vin* «сын», «дитя», что сохранилось, как было указано выше, в образовании падежных окончаний армянского склонения (Родит., Отлож. п.).

Суффикс *h-шр, шр, v+hшр, v+hr* также является племенным названием resp. тотемом. Как мы видели, он же является возвратным местоимением *hr* (*hr→hr→шр*) *шр* (ar) вообще распространено у армян и вскрывается в семантических переходах от значения неба→тотема→божества→руки племени-коллектива→одного из коллектива к множественному числу¹. В слабой форме *шр* в виде *hr* resp. *hhr* является показателем Plur. tantum в современном армянском языке.

Все эти показатели множественности в армянском языке образуют множественное число не только имен, но и глаголов и показывают оттенки действия. Так, *q* образует множественную форму имен — *qrqr-р* «сыны», *qjnhwgr-р* «крестьяне» и т. д. и глаголов — *qrhd-р* «мы пишем», *qrh-р* «вы пишете» и т. д. Частица *шv* в глаголах показывает переход от одного состояния к другому *dbd-sh-wl* «расти», *qwr-sh-wl* «каменеть» и несовершенный вид *shu-sh-hr* «я видел» (*shum* «я увидел»). Архаичное окончание множественного числа *np, qh—dsh-tr* «дыры», *dshq-tr* «сы-

¹ ar—космически тотем resp. божество урартское ar-di «солнце» (божество) [+лень] пережиточно сохранилось в армянском ar-d (← ar-i) «дыне», ar-qau усеч. arq «царь» (← тотем). Тот же тотем вскрывается в Ага «боге земледелия и растительности»; не говоря уже о прямом значении «неба» в огласовке ar || er erkin «небо». С переходом со стадии космического мышления на микрокосмическое, то же слово ar в значении «ру» в основе глаголов ar-nel «брат», ar-k «брось», har-k «бей» и т. п. См. Марр, Борьба классов в грузинских версиях евангельского текста, 1930 г., ИР, т. III, стр. 356—357.

ны», *իսիդ-տի-ր* «халды» образует также форму Отлож. пад., сохранившуюся в нагечных места *տի-տի*, *տի-տի* «отсюда», «оттуда» и в прилагательных *զտզրո-տի* от *զտզիր* «мерзкий», *հին-տի* от *հին* «старый», усеч., *տ* в *դեղին-տ* «желтоватый», *զին-տ* «винный» и т. д.¹ Тот же суффикс *te*, *ti* с усечением перед *n* выражает в глаголах повторность действия и действие, переходящее на многие предметы. Так, *մարթն-տ-ի* «сдирать шкуру со многих» (*մարթի* «содрать шкуру»), *վառն-տ-ի* «зажигать огни» (*վառի* «зажечь»), *լիցալիցա-տ-ի* «раздирать на много частей» (*լիցալիցա* «разодрать») и т. д.² Такая однородность морфологических элементов, несомненно, указывает на первичную недифференцированность имени и глагола. Как мы знаем, первоначально имя-представление давало лишь образ предмета, а не действие или состояние его. По выработке морфологии действие стало обозначаться путем снабжения имен частицами—суффиксами, окончаниями или префиксами, и они были те же для глагола, что и для существительного. Различие было не в элементах, а в их функциях. На этом, общем всем языкам доисторическом состоянии речи и основано то, что в языках яфетической стадии глаголы и имена имеют общие окончания, так, *Plur. tantum* в глаголах выражается теми же элементами, что в именах, что отразилось, как мы видели, и в армянском языке.

В армянском языке существуют также так называемые аналитические формы выражения множественности предметов. Существительные в единственном числе получают значение множественности путем присоединения к ним неопределенных местоимений или числительных. Так, *լիցալիցա* *մարդ* означает «плоды», буквально «много плодов», *մի քանի* *բնակ* «дома», буквально «несколько домов», *չորս* *ծի* «четыре лошади», *քսան* *կույր* «двадцать душ», *հինգիսուն* *օր* «пятьдесят дней» и т. д. Имя существительное стоит здесь в единственном числе и не требует специальных по-

¹ М а р р, Два яфетич. суффикса—*te* (*-ti* → *-i*) в грамм. древн. арм. языка, 1910, отл. отт. стр. 1246 и след.

² См. М у р в а л я н, *Անգղերենի լեզուն և լեզվագիտությունը*, Ереван, 1945 г., стр. 71 и 73

казателей множественного числа, так как идея множественности выражена в имени числительном и в словах, обозначающих количество (много, несколько). В аналитических формах множественного числа можно усмотреть пережитки первичной неформальности имен, когда еще не были выработаны специальные показатели множественности, так как слова вообще понимались в их собирательно-коллективном значении. И позже, когда показатели уже выработались, в языке заметна тенденция утери их смысла и восприятия слов Plur. tant. как единственного числа. Отсюда наращение всё новых показателей множественного числа. Тенденция эта особенно заметна в народном языке. Так, слова, осмысляемые в древнелитературном языке как множественное число с показателем *g* (q) — *hsh'g*, *sh'g*, *fhsh'g*, *ghsh'g*, *qhr'g*, *sh'g*, *sh'g'g* и многие другие, имевшие в древнелитературном языке и формы единственного числа: *sh*, *fhsh*, *sh*, *fhsh*, *ghsh*, и т. д., в живой речи осознавались, как слова в единственном числе и согласовались с глаголом в единственном числе. Поэтому они получали новый показатель множественного числа — *h'g*, *sh'g-h'g*, *ghsh'g-h'g*, *sh'g-h'g* и т. п. В диалектах встречаются такие формы множественного числа, как *hsh'g-sh'g* «женщины», *sh'g-sh'g* «глаза», *shsh'g-sh'g* «братья» и т. д. Потеряли значение множественного числа и такие слова, как *shsh* «пост», *hshsh* «два», *shsh* «расход», *shsh* «баня» и т. д., где ковенное *sh* есть окончание винительного падежа множественного числа. В народном языке винительный падеж множественного числа осмысляется, как именительный падеж единственного числа.

Другим подлинно первобытным приемом выражения идеи множественности в армянском языке являются повторы корней. Так, в древнелитературном языке повторы существительных во множественном числе усиливают значение множественности: *h'g hsh'g hsh'g* «из многих сторон» (буквально из «сторон+сторон»), *h'g shsh'g shsh'g* «из многих мест», *shsh'g shsh'g* «многих городов», *shsh'g h'g shsh'g shsh'g* «входить во много домов» и т. д. Повторы прилагательных образуют их множественное чис-

ло: *բարի* «добрый» — *բարի բարի* «добрые» (буквально «добрый+добрый»), *լուրի լուրի* «злые», *ընտիր ընտիր* «избранные», *մանր մանր* «мелкие», *մեծ մեծ* «большие» и т. п.¹

Повторы, как выражение множественности, это один из древнейших словообразовательных приемов, восходящий к тому времени, когда еще не было показателей множественного числа, но в языке уже чувствовалась потребность выразить понятие о предметах больше одного.

Кроме функции множественного числа повторы в армянском языке придают слову различные оттенки интенсивности действия, длительности, повторения, распределения и т. д. Так, повторы наречий усиливают их значение: *արագ արագ* (быстро быстро), *հազիւ հազիւ* (еле-еле), *բաշ բաշ* (очень очень) и др. Повторы существительного в единственном числе выражают понятие «каждый», так *քաղաքի քաղաքի* «каждый из городов», *գնդի գնդի* «каждый из полков», *ամի ամի* «каждый год» и т. д. Повторы числительных имеют значение распределения: *մի մի* «по одному» (один один), *երկու երկու* «по два» и т. д. В народном языке встречаются такие формы, как *մեզու մեզ* «мы сами собой», *իրան իրան* «само собой», *տեղն առնողը* «тут же на месте», *չորէն* «на коленях», *դէմուդէմ* «напротив» и др., где удвоение корня усиливает и подчеркивает его основное значение.² Повторения действия дают аналитические формы глагола *վեր վեր թռչել* «подпрыгивать», буквально «прыгать вверх+вверх», *յետ յետ դնալ* «пятиться назад», буквально «идти назад+назад», *առնալ առնալ տնի* «разделить», «раздирать», буквально «сделать кусок+кусок», а также синтетические *քաշքշել* «потягивать», *ձակձկել* «покалывать» (с усечением второй гласной) и т. д. Как мы видим, повторяемость одного и того же элемента содействует его выдвиганию на роль функциональной части, т. е. получения им надбавочного значения сверх своего основного.

Вообще повторение слов или его корневой части представляет один из древнейших способов выражения различных оттенков в речи первобытного человека. И у сов-

¹ Примеры из грамматики Айгиняна, стр. 478.

² А бегап, *Հայոց լեզվի տեանքը*, Ереван, 1931, стр. 185.

ременных примитивных народов мы встречаем тот же прием. Так, у австралийского племени вирапурай указание длительности и продолженности действия передается удвоением основы, например: *bi-ma-ga* означает «бить» *bi-ma-bi-ma-ga* «продолжать бить».¹

б) Суффикс *-prq*

Термин родового строя «дети», «сын» вскрывается и в другом суффиксе армянского языка. Так, окончание *-prq* (усечен. *-prq*) первоначально означавший «один из коллектива», затем при родовом строе «дочь—сын», служит для образования имени действующего лица (*Nomen actoris*) от существительных: *bi-ma-ga-prq* «путник» буквально значит «сын пути». Таковы *sa-ga-prq* «садовник» (сын сада), *prq-prq* «охотник» (сын охоты), *bi-ma-prq* «пастух» (сын стада), диал. *prq-prq* (*prq-prq*) «житель», буквально «сын места» и т. д.

Тот же суффикс образует порядковые числительные. Так, в армянском языке *bi-ma-prq* «второй», *bi-ma-prq* «третий» буквально значат «сын двух», «сын трех» и т. д.² Интересно сравнить это образование с точно таким же в абхазском языке, где *q*и означает «пять», *ba* «сын», а *q*iba «пятый», буквально «сын пяти». Здесь снова вскрывается первоначальная предметность, конкретность имен числительных, еще не получивших позднейшего, абстрактного оттенка.

в) Суффикс *-ma*

Как мы видели выше, на суффиксе *-ma* с его разнообразиями также можно проследить стадийное развитие с семантическими изменениями по ряду небо—рука—тотем-племя-коллектив—один из коллектива—сын (дети)—показатель множественного числа. Даем небольшую сводку ранее приведенных материалов. *-ma* «небо» сохранилось в дериватном образе круга (*ma-ma* «прясть», *ma-ma*

¹ Богородицкий В. Очерки по языковедению и русскому языку, М. 1989, стр. 222

² М а р р. Грамматика др. армян. яз., стр. 125.

«ходить», «кружить»). Микрокосмически тап в значении «руки» сохранилось в урартском языке, где тап означает «строить», «делать». В армянском языке тап в разновидности бап (тап/бап) в глаголах բանիլ «работать», բանիլ «открывать» и т. п. также связано с «рукой». тап→wап как «тотем-коллектив-племя» геср. множественное число имеем в образовании названия народов, как например, աղ-վան (племя а[¹ов). тап в значении «один из коллектива» сохранялось с огласовкой в армянском ժէն→ժիւ «один», тап в значении «сына» налицо в армянском ծանուկ «отрок», արծաթիւ «юноша». С тем же значением тап→wап служит для образования родительного падежа ձմեռվան, ամառվան, буквально «сын зимы», «сын утра» и т. д.

Из других суффиксов, восходящих к самостоятельным словам, отметим -բար-, բէն-, -կերպ, образующие сложные названия путем присоединения к-существительным или прилагательным (ամբարտ-բար «обычно», հայկ-բէն «по-армянски», յարկ-կերպ «своеобразно» и др.). Все они являются самостоятельными словами со значением «вид», «образ», «форма», восходящими к названию «бога», «кумира», а еще ранее космически «солнца», «тотема», микрокосмически «руки». Так, бар (per || par→ber || bar) термин тотемного происхождения сохранился в урартском Ваг «бог полуденного солнца». par→bar широко распространено и у армян в значении «солнца» и сохранилось в многочисленных дериватах. Ваг одновременно служит племенным названием тибаренов или иберов. То же бар с закономерным переходом г→п (бап) означает, как мы видели, «руку». ге←geh отложилось в армянском и грузинском языках со значением «образ», «способ» (груз. ეგე (egge) «таким образом») и также восходит к названию «солнца», «тотема-божества». И здесь двоякое осмысление: микрокосмически это «рука», «способ», «образ» и в армянском союзе կրք (l+b-ge-w) «как», «каким образом», космически это «солнце» в составе скрещенных армянских слов а-ге+ւ, а-ге+ց «солнце». Армянское կերպ «образ», «вид» восходит к урартскому karbi со значением «бог», «рука». Отсюда в грузинском karbi с закономерными фонетическими переходами

а և, ք—к, ք—р, քер-і означает «кумир», «языческий бог», «вид», «образ». Тот же термин в разновидности քը-զ (а և о—и) в армянском означает «рука», «языческий бог», «идол».¹

Таким образом, мы видим, что словообразовательные элементы в армянском языке восходят к древнейшим стадиям в развитии языка и подтверждают положения, установленные палеонтологией речи. Так, одна и та же образовательная частица имеет функции и местоимения и множественного числа. Она же служит для образования падежных окончаний и оттенков действия. Одни и тот же показатель оформляет множественное число у имен, глаголов и местоимений. Показатели множественности переходят от имен к месту и образуют топонимические названия наряду с этническими.

Все эти частицы восходят к самостоятельным словам синтетического периода в их семантическом развитии рука—тотем-племя-коллектив—один из коллектива—дитя, сын—показатель множественного числа. Так, слова, отражающие морфологию общественного строя (дети, сын) служат для образования морфологических категорий и в речи древнейших обитателей Армении.

9) Аморфность имен

В армянском языке сохранились также явные признаки первичной неоформленности имен. Так, прилагательные в армянском языке являются существительными и употребляются без специального оформления качества или свойства. Таковы հանդիսի «покой» и «спокойный», անկտ «ложь», «ложный», ճմրէ «тьма», «темный», շղ «луч», «лучистый», սոսիս «холод», «холодный» и т. д.

Бедность имен с оформлением качества или свойства несомненно связана с возможностью синтетического сочетания слов в армянском языке. Он необыкновенно богат сложными словами и свободно составляет новые сложения. В нем легко сочетаются существ. + существ. (անհրաժեշտ-սիրտ

¹ См. Мещанинов, Язык ванских клинообразных надписей, 1932, стр. 85.

орел+сердце—«орлесердный»), прилагат.+существ. (*շր-տ-զորժ* злое+дело—«злодей»), прилаг.+осн. глагола (*շրիշ-տ-շրժ* быстрый+двигать—«быстродвигающийся») и т. д., причем в народном языке явно выражена тенденция к сокращению связующей гласной: *շրժր* «колодец», буквально «вода+яма», *շրիւր* «восток», буквально «солнце+восход», *շրիւմր* «запад», буквально «солнце+вход» и др. Такие сложения являются более древними. Как мы видим, сложные образования в армянском языке грамматически не оформлены и не нуждаются в каких-либо дополнительных суффиксах. Суффиксальные наращения, как средство словообразования, относятся к более поздней стадии.

Многообразие сложных образований показательно и для хеттского языка, в котором богато представлены удвоения корня и сложения основ¹, и для языка северо-американских индейцев, где мы встречаем почти все типы таких образований, как существ.+существ., глагол+глагол, существ.+глагол, наречие+глагол и т. д., что характерно, например, для языка «паяот»². Такое сходство форм словообразования несомненно говорит о сходных стадиях миропонимания, обусловивших одинаковые способы словотворчества.

VI. Лексика

1) Семантика слов

Семантические закономерности слов, вскрытые палеонтологией речи, нашли яркое отражение и в лексике армянского языка. К ним относятся семантические ряды, переход названия с целого на часть, закон функциональной семантики, единство противоположных значений, полисемантизм слов и т. д.

Как известно, этимологиями армянского языка занимались многие арменисты, как например: Гюбшман (Hübshmann), Мейе (Meillet), Педерсен (H. Pedersen), Петерман (Pe-

¹ См. Гр. Капанцян, *Chetto-armenienca*, Эривань, 1931, 1933 г. г.

² Э. Сепир, *Язык*, русск. перевод, 1904 г., стр. 52—53.

termann), Шредер (Schröder), Ачарян и другие¹, но Марр первый произвел палеонтологический анализ целого ряда армянских терминов, показав их принадлежность к яфетической стадии развития (см. 11 выпусков „Яфетических элементов в языках Армении“ с 1911—1919 г. г. и многочисленные этимологии армянских слов в различных трудах). Марр вскрыл в армянском языке отражение первичных стадий развития языка, возведя многие корни к стадии космически-тотемического мышления. Этимологии Марра—специальная и обширная тема, которой мы не будем касаться. Мы постараемся лишь, исходя из положений палеонтологии речи, дать несколько ярких примеров, характеризующих отражение семантических закономерностей первобытного мышления в лексике армянского языка.

Как мы знаем, палеонтологический анализ яфетических языков привел Марра к выводу, что одной из особенностей первобытного человечества является недифференцированность, синкретичность трудовых действий, песни, пляски и чеканной ритмичности движений, отраженные в языке. Вывод этот послужил подтверждением мысли А. Н. Веселовского о первичной синкретичности поэзии с ее недифференцированными элементами музыки, движения и первобытного слова. Полисемантизм и магическая функция первобытной речи, роль трудового процесса в создании языка, вскрытые Марром, находят параллель в высказываниях Веселовского о синкретичности песни-пляски-сказа, о магическом значении первобытной поэзии, о происхождении ее в „бессознательном сотрудничестве массы при содействии многих“².

Этот комплекс «пляска+пение+игра+труд» сохранил-

¹ Schröder, Thesaurus linguae armeniacae, Amsterdam, 1711, Petermann, Grammatica linguae armeniacae, Berlin, 1837, Hübschmann, Armenische Grammatic, Leipzig, 1895—7, Armenische Studien Leipzig, 1898, H. Pedersen, Armenische und die Nachbarsprachen KZ, 39. Meillet, Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique, Vienne, 1903, Ачарян, Հայերէն տրամադրական արտահայտութիւններ, Эривань, 1935 и др.

² А. Н. Веселовский, Три главы из исторической поэтики (1894) в сб. Историч. поэтика 1940. стр. 201.

ся во всей своей первичной многозначности в армянском слове [uɬq] (qal) в значении: «песня», «игра», «движение», «прижки», «бег», «течение», «труд», [uɬq ɬɛbɛl] — означает «танцевать», «играть», [uɬq ɬɛbɛl] «импровизировать песню», [uɬq ɬɛbɛl] «разыграть», «подшутить», [uɬq ɬɛl] «кропотливо работать».¹

Звуковой комплекс [uɬq], объединяющий движение и труд, микрокосмически несомненно должен восходить к названию «руки» и «ноги». Марр указывает, что «рука» и «нога» оказываются разновидностями одного и того же слова, означавшего и «руку» и «ногу». Действительно, в армянском языке можно вскрыть название «руки» и «ноги» в разновидностях спирантного ka || kar → gal → qal. Так, от названия «ноги» (qal) мы имеем քալ (qayl) «шаг», քալել (qalel) «ходить», գալ (gal) «приходить», հալ (ka) «хромой». Для «руки» в древне-литературном языке встречаем разновидность ka || resp. kar так հալ (ka) означает «держи», հարալ «он может», от հար (kar) «сила», «мощь» («—рука»). С эканьем qal → qel в значении «руки» имеем [hɛlɬɛ] (qelawq) «хитрый», «ловкий», «умный» («ум» восходит к «руке») древнелитературное [hɛl qel] «безрукий», «урод».

Так вскрываются многочисленные дериваты единого слова «рука+нога» в армянском языке. Марр, однако, предупреждает: «Трудность восприятия не в этих сближениях, а в чуждом нашему мышлению факте, что «рука» и «нога» были паречены звуковым словом не как члены тела, анатомически воспринимаемые по их физической функции, а как увязанные по магической функции в нераздельном действии — пляске, пении, игре с предметом культа луной и солнцем и носящие их название».²

Как мы видели выше, армянское [uɬq] действительно магически увязано в едином действии — пляски, пения, игры. Но оно же должно носить название «луны», «солнца». Пытаемся проследить [uɬq] (qal) в его разновидностях qar || qor → qur resp. qul — восходящих к названию светила, для

¹ А. Чарян, Հայոց լեզվագիտություն, Тифлис, 1913 г.

² Марр, Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком, 1928, ИР, т. II, стр. 426.

армянского языка «солнца», следовательно, и «неба» с его дериватами. Так, к «небу», как его дериват восходит *խորշի* (qogap) «свод», «палатка». К «солнцу» восходит *խորշիկ* (qagouk) «костер», «пламя», «огонь» (— «солнце»). *խորշիկաշ* (qag teash) «русый», «золотистый», как цвет солнца, дыал. *խորիտ* (qogol) «красивый», по связи с солнцем, так как понятие красоты вообще связано с солнцем, светом, луной, наконец, *խուլ* (qul) «глухой», воспринимаемое как «оглушенный солнцем». Древнелитературное *խուլ* (qoi) означает «пораженный бесом», «юродивый». Палеонтология речи вскрыла, что физические дефекты «немой», «глухой», «слепой» и т. д. подобно вообще болезням, воспринимаются как состояние существа во власти «тотема» позднее «бога-дьявола». По связи «ноги» с «солнцем» интересно отметить народное *խոյ* (qar) в значении «бега», *խոյախոյ* «бегом».

Древнее хорическое начало, выражавшееся в комплексе пение—пляска—действие долго сохранялось у армян. На нем был основан погребальный обряд языческих армян, как свидетельствует о том историк Фавст Бузанд. Хорическое начало сохранилось и в современных народных армянских плясках с пением, игрой и трудовыми движениями.

К тотемно-магическому восприятию мира древних обитателей Армении относится и слово *կարդալ* (kardal) «читать». Книга первоначально означала магию, божество-тотем, а «читать» значило «колдовать», «гадать». (Пиктографическое письмо первобытных народов имело, как известно, магические функции). Основа армянского *կարդալ-կարդ* (kard) означала «тотем», «бог», т. е. племенное название, что сохранилось в термине *karduq* (название курдов в древности) и в его разновидности *qald* — «урартское божество»¹. Известно, что первобытному мышлению жрец (колдун) представлялся олицетворением божества, тогда еще лишь тотема, по которому звалось племя. Ту же основу мы имеем в армянском *կախարդ* (kaqard) «колдун», «волшебник», а

¹ Марр, Происхождение терминов «книга» и «письмо» в освещении афетич теории, 1926, ИР, т. III, стр. 240.

также *q̄aḡdeay* (q̄aḡdeay) «астролог», «вещун» (племенное название урартов). Сюда же относится по единству противоположностей термин *q̄ardaḡ* (q̄ardaḡ) «обманщик». Это то же название *kaḡard* (kaḡard) «колдун», которое на следующей стадии, при падении роли жрецов, колдунов, вещунов, обратился в уничижительное «обманщик». В диалектах *q̄ard* означает «громко читать», «звать», «кричать», в западном диалекте «петь». Как видим, все это реликты магических действий древних *kaḡard* «ов колдунов».

Другой комплекс, восходящий к магическому мировоззрению, сохранился в древнелитературном *ḡaḡel* (ḡaḡel) «колдовать», *ḡaḡel* (ḡaḡel), «волшебный», *ḡaḡel* (ḡaḡel) «казаться», «считать», *ḡaḡel* означает также «сказывать», «ритмически говорить», древнелитературное *ḡaḡel ḡaḡel* «читать без пения (речитатив)», *ḡaḡel ḡaḡel* «учить наизусть». К *ḡaḡel* восходит *ḡaḡel ḡaḡel* «эпическая песня», «сказ», как пережиток древней синкретической поэзии с культово-магическими функциями. *ḡaḡel*, *ḡaḡel* (ḡaḡel, ḡaḡel) означает в то же время «число», «счет» и связано с «луной» (сван. *ḡaḡel* || *ḡaḡel* «месяц»), как мерилom времени первобытных людей. Луна оставила в речи и быте особенно богатые отложения, как отмечает Марр, увязывающие не только колдовство и интуитивное прорицание и его противоположность трезвый счет, но и эпос, пение, письмо, чтение и т. д.¹

К луне же восходит и название армянской хороводной пляски с пением *ḡaḡard* (ḡaḡard), буквально «лунный круг» (в мегр. чанск. яз. сохранилось *ḡaḡ-a* в значении «луна»). Вторая часть *ard* (ard) это «круг», «хоровод», восходящий к «солнцу». Разновидность *ard-ard-ard* в Армении вообще означала «солнце». Так мы имеем дериватное *ard* (ard) «блеск», «сияние», «слава» и по единству противоположных значений *ard* (ard) «сердиться», как отрицательное действие «солнца». В урартских клинообразных надписях, как мы видели, сохранился *Var* «бог солнца».

¹ Марр, Что говорит язык по истории материальной культуры, 1934, Сб. Язык и история, т. 1 стр. 172.

gug raq—это первично культовое действие с пением и пляской в честь «луны» (*ḡuḡ*) и «солнца» (*raq*), что на стадии астрального мышления сигнализирует момент вызывания действия луны или солнца и приобщения к нему соучастников этой пляски. В древнелитературном языке сохранилось *kaḡḡiḡ* (*kaḡḡivn*) «прыгание», «движение» руками и ногами», «хлопание в ладоши» и глагол *gug raḡḡiḡ* (*gug baḡḡal*) «испускать клич радости». Все это—перехитки культового действия, хороводной пляски в честь луны.

В армянском языке *ḡuḡ* в значении «луны» вскрывается несомненно в диалектич. *ḡuḡ* (*ḡuḡ*) «мелкие прыщи на руке», для излечения которых в народе обращаются с заклинаниями к луне. Микрокосмическое осмысление *ḡuḡ* в значении «руки» сохранилось в армянском *gugḡiḡ* (*guganel*) «указывать», буквально «делать рукой».

Древний полисемантизм слов сказался в таком термине, как *ḡiḡiḡ* «работать», «делать» (первично «рукой», от *ḡap* «рука»), *ḡiḡiḡar* «рабочий», *ḡiḡiḡaḡ* «окончание работы». *ḡiḡiḡ* означает в то же время «слово», «разум», восходящие к «руке» (первично «ручное слово») в составе сложных образований *ḡiḡiḡiḡ* «логичный», «умный», *ḡiḡiḡiḡ* «бессмысленный», *ḡiḡiḡiḡar* «филолог» и многие другие.

Мы рассмотрели ряд образований с функцией самых различных значимостей в зависимости от стадии их возникновения, восходящих к космически-астральному мировоззрению, к стадии магического мышления первичных обитателей Армении.

К той же космически-астральной стадии восходят семантические ряды и гнезда семантических значений слов в армянском языке, обусловленные первичной связанностью, коллективностью представлений, когда целый ряд слов был как бы связан цепью значений, вытекавших один из другого, в связи с первичной нерасчлененностью материального, общественного и духовного миров.

Рассмотрим семантический ряд «небо+солнце (→огонь)+рождение+творчество (→труд)», установленный

палеонтологией речи и отраженный в армянском языке. Так, в армянском языке с элементом *er* (← *her*) мы имеем *երկին* (erkin) «небо», откуда и *երկիր* (erkir) «земля», две различные формы одного и того же слова, которые понимались как «небо¹ верхнее» и «небо² нижнее (земля)». К «небу» восходит значение «божества» с множественным числом на *pe-egne*, которое у армян в полной форме *երանի* (← *երջանիկ*) используется, как прилагательное «блаженный», «хороший». *երեկ զեզ* (ernek qez) буквально означает «боги с тобой», *երանի* (erani) означает также «о если бы». К «солнцу» восходит *հալ* (erai) «кипеть», *հալի* (erand) «рвение» (← «горение»), *երդիք* (erdik) «слуховое окно» (← «солнце»), *երեւակ* (erevakap) «заря», «приход солнца», откуда и *երկի* (erevil) «являться», первично «восходить», *երդնու* (erdnul) «клясться», так как «клятва» происходит от культового понятия «бога-чорта», а раньше тотема с тем или иным осмыслением, в данном случае, астральным. У армян вообще клянутся «солнцем», как увидим далее.

С «рождением» связано *երկն*, *երկունք* (erkap, erkunq), «роды», «родовые муки». Марр указывает, что важнейший подвиг женской природы рождение—связан был не с физиологией в осознании первобытного человечества, а с магией, культом солнца и его рождением. Солнце являлось точным выразителем продолжения человеческого рода, его появления на свет, роста и вообще развития. Рождение таким образом воспринималось еще не как физическое явление, а как социальное, на стадии космического мировоззрения, как астральное, рождение светила. Другое значение *երկն* — «произведение», как продукт творчества, труда. Сюда же относится *հերկ* (herk) «поле» и трудмагическое действие *հերկել* «пахать», воспринимаемое в сознании первобытного земледельца, как культовое, магическое действие солнца, а также *երգել* (ergel) «петь», «играть», входящее в комплекс трудмагического действия. В связи с *երգել* интересно отметить выражение М. Хоренского *երգել ձեռամբ*, буквально «петь руками», где *երգել* явно выступает в значении «играть», «двигаться», «плясать» — играть, плясать,

руками.¹ Таким образом, слова *երկին, երկիր, երևալն, երանի, եւայր, եւանդ, երդիք, երդնուի, երկն, երկունք, հերկ, հերկել, եր-
պել* — образуют один семантический ряд со значением «не-
бо+солнце+рождение+труд». Тот же ряд сохранился
в армянском языке и в другом элементе сибилантном
— *ծի* ← *ծի* || *ծին* — *ծան*. Так, значение «неба» сохранилось в его
дериватах *ծին* (*ծին*) «свет», *ծիր* (*ծի*) «круг», *ծիածան* (*dia-
dan*) «радуга», (— «пояс неба»), *տիվ* (*tiw*) «день», «свет»,
ծիծառն (*diḍarṇ*) «ласточка» (— «птица-небесенок»), *ծիրանի*
(*ḍirani*) «красный», «салый», как цвет зари, солнца, *ծնանել*
(*ḍananel*) «рождать», буквально «делать солнце», *ծնունդ*
(*ḍanund*) «роды».

Нельзя не упомянуть здесь же о том, что семантичес-
кий ряд «небо+солнце+рождение» целиком отражен в
известных стихах армянского эпического фрагмента, сох-
раненного у М. Хоренского, где восход солнца изобра-
жается, как рождение дитяти или мальчика. Считаем не-
лишним привести отрывок целиком:

*«երկնէր երկին, երկնէր երկիր,
երկնէր և ծովն ծիրանի.
երկն ի ծովուն ունէր և զկարմրիկն եղեգնիկ.
ընդ եղեգան փող ծուխ ելանէր,
ընդ եղեգան փող բոց ելանէր.
եւ ի բոցոյն զաղէր խարտեաշ պտտանեկիկ.
նա հուր հեր ունէր,
(Ապա Թէ) բոց ունէր ճօրտու,
եւ աչկունքն էին արեգակունք.»²*

В русском переводе Марра отрывок звучит

В родильных муках было небо, была земля,
В родильных муках было также багряное море,
Родильными муками в море схвачен краснеющий
тростнячек.

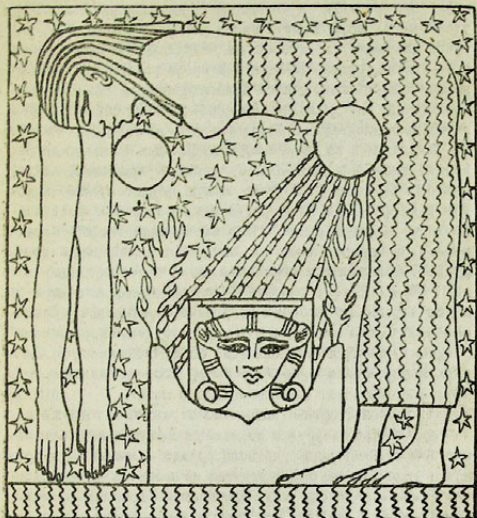
По желобку тростника дым несясь вверх,
По желобку тростника пламя неслоьсь вверх,
И из пламени выскочил русский мальчонка,

¹ М. Хоренский, *Պատմութիւն Հայոց*, кн. II, гл. 63.

² М. Хоренский, кн. I, гл. 31.

Волосы у него—огонь,
Борода у него—пламя,
И глаза его—солнышки*.

Юноша-солнце рождается небом, землей и багряным морем, то-есть единым небом (космосом) в его расщеплении: неба¹—нашего неба, неба²—земли, неба³—воды, моря.



Ежедневный путь солнца от восхода-рождения
до захода-проглатывания матерью-небом.

Таким образом, солнце в представлении древних армян
являлось сыном, дитятей неба. В эпосе отразились, как

мы видим, понятия родового патриархального строя — солнце в образе мальчика-отрока с бородой, тогда как при матриархате солнце было двойником девушки, женщины, сестрой луны.

Семантическая связь «солнца» с «рождением» ярко отражена в египетской мифологии. В египетских текстах и на рисунках солнце представляется рождающимся из vulva матери-неба, а к заходу проглатываемым ею, чтобы иметь возможность вновь родиться утром. Так, рисунок на одном из саркофагов, передающий ежедневный путь солнца, проглатываемого и вновь рождаемого небом-женщиной сопровождается иероглифической надписью о боге солнца Ра: „выходящий из преисподней, спускающийся в утреннюю ладью ...входящий в рот, выходящий из vulva, восходящий из дверей горизонта... для того, чтобы сотворить жизнь для всех людей, скота и пресмыкающихся, которых он создал“. Эту же связь представлений находим и на фреске в Дендера. Здесь на звездном фоне изображена женщина-небо, стоящая на воде (небо³ — преисподняя) с линиями воды на одежде и касающаяся воды руками. Она рождает солнечный диск, лучи которого падают на иероглиф горизонта с головой Гатор в центре и двумя деревьями по обеим сторонам. Она рождает солнечный диск и она же проглатывает его (см. прилагаемый рисунок)¹. Совершенно такой же образ сохранился в армянском выражении *արիւ ձայր ձայի* «солнце зашло», что буквально означает «солнце вошло в мать».

С другой стороны, интересно отражение того же ряда «солнце+рождение» в позднейшем религиозном сознании армян. Языческий культовый праздник солнца при принятии христианства был перенесен на праздник Христа-солнца. У армян и до сих пор Рождение и Крещение празднуются вместе и вообще христианское Рождество есть «охристианизированный» праздник солнца. В термине «крещение» вскрывается то же «солнце», так как это крещение вовсе

¹ И. Г. Лившиц, *Время-пространство в египетской иероглифике*, сб. Академия Наук акад. Марру, 1935, стр. 248.

не водой, а светом *լուսավորել* (lusalvoret), «крещать» буквально значит «крещать светом» (*լուս-«свет»*), откуда и название просветителя-крестителя армян Григория *Լուսավորիչ* (lusalvorič). Такое же осмысление сохранилось в грузинском *მოპაწია* «крестить» не водой, а светом, так как *პაწი* означает «солнце».

В армянском языке сохранился во всей своей первобытной образности другой семантический ряд «солнце+лошадь+заря». Лошадь в сознании первобытного человека связывалась с «солнцем+зарей» и восходящее солнце представлялось «приходящей лошастью». В древнелитературном языке *արիագաշ* «заря» буквально означает «приход арега» или «приход лошади». Элемент *ar-eg* в значении «солнца» (*arew, areg, egewakən*) отражен в названии «лошади» — *երիվար* (*erivar*). В армянском языке мы имеем другой термин для «зари» — *արշալոյս* (*aršaloys*) «заря», «свет зари», диалект. *արշալ ընկնել* «рассветать», «появляться». Следует заметить, что *aršaloys* это позднейшее народное осмысление слова *аршагиш* (древнелитературное *aršalum*) с двумя корнями в значении «лошади» *арш, гиш*. Слово *арш* сохранилось в значении «лошади» в *արշափաշք* (*aršavanq*) «конный наезд», *արշափել* «нападать», «мчаться (на конях)».

Со спирантным *hup* → *hun* || *hur* сохранились: *հոն* (*hun*) *հուր* (*hur*) «огонь», «солнце», отсюда *հոնոյ* (*hənoy*) «горнило» и *հէն* (*hun* ~ *hen*) «конь» в *հէնք* (*henq*) «разбойничий наезд». В народном творчестве эпитетом коня является *հրեղէն* «огненный».

Образ лошади, связанный с небом+солнцем+зарей нашел яркое воплощение в народном эпосе, сказках, а также в религиозных представлениях и символах. Лошадь представлялась, как конь огнедышащий, выходящий из черной от глубины реки и сияющий на красном небе. Огненный конь — *հրեղէն ձի* — таков конь Джалали в эпосе Давид Сасунский. Он выходит из глубины моря (море — как расщепление единого образа «неба»). Отсюда в сказках кони имеют цвет моря, голубой или черный, или цвет зари, солнца. Они появляются с эпитетами: *կապույտ քանափ* (голубой конь) *սևակ գեղեցիկ* (красивый чернец), *սրբեմուն ձի*

(белая лошадь), *սպիտակ* (желто-красная лошадь) и т. д. В языческой Армении лошадей приносили в жертву священной реке Евфрату (жертва небу¹). С небом же связано и представление о «крылатом коне», о «лошади-птице», перелетающей через горы и моря.

У армянских историков сохранились указания на то, что в древней Армении лошади принимали участие в похоронных процессиях и нередко закапывались вместе с умершим хозяином. Марр замечает, что «есть особые основания, кроме бегов и наезднической удали, для исключительной роли лошади на похоронах, именно то, что лошадь—символ смерти. На похоронах и поминках это «солнце-лошадь», «заходящее солнце», «черная смерть», и оно же «солнце-лошадь», «восходящее солнце», «заря», румяная, красная неумирающая жизнь, воскресенье². Лошадь, таким образом, воспринималась по единству противоположностей и как символ загробного мира в связи с представлением об уходящем, закатывающемся солнце.

Рассмотрим еще один пример семантического пучка, установленного палеонтологией речи в его отражении в армянском языке—«солнце+смех (улыбка, радость)+цветок»—где мы имеем перенос астральных терминов на микрокосм человека. Название «солнца» переходило на «смех» в его еще нерасчлененном единстве радость-улыбка-смех и на цветок, «алый цветок», образ «цветка земли (неба³)», как солнце было цветком неба (неба¹).

В армянском языке в значении «солнца» использован также элемент *каг*→*гэг*→*қаг*→*қап* и *қиг*→*қип*. К «солнцу» восходит *խրիչ* (*қаг-оук*) «костер», *խիճի* (*қандел*) «сжигать», «обжигать» (действие солнца). Кроме того, мы имеем интересный термин *խիճաբուր* (*қапқауиқ*) «пелена», «оболочка», несомненно восходящий к названию «солнца». *խիճաբուր*, очевидно, представлял первично некое культовое одеяние или принадлежность обряда производственного культа, связанного с «солнцем». Когда армянские переводчики переводили евангелие с сирийского языка, они,

¹ Марр, Термины из абхазо-русских этнических связей, лошадь и триска, 1924, ИР, т. V, стр. 151.

очевидно, использовали слово *խնծարար* как культовое одеяние для божественного младенца в смысле «пеленок», в которые был завернут младенец Христос. Интересно, что в значении пеленать в армянском языке выступают другие слова, также восходящие к «солнцу», как например, *բարբի* (bagur) «пеленать» и *բարբի* (pagur) «обволакивать», где bag—pag означает «солнце». Здесь, как мы видим, вскрывается перенос названия космического тотема, в частности, астрального термина на облачение, первично, культовое.

В значении *смеха* название «солнца» сохранилось в *կարկաշի* (karkaz) «смеяться», «хохотать», *զնդալ* (zandal) «смеяться», *խիսն* (xan) «восходящее к qar-qan-q) «смех»¹, а также в *տխուր* (taxur) «безрадостный» (от qar || qur «солнце»→«радость»).

Значение *цветка* вскрывается в *կակաշ* (kakaz) «красный цветок», «мак», *խարահար* (qar-a-har) неизвестное растение, называемое также *տրեղակի մայր* «мать солнца», с красноватым цветком, а также *խարի* (qar-i) красный красительный корень (*Alkanna orientalis*), *խորդենի*—qor-deni (*Geranium*) с алым цветком, *խնդատ*—xan-dat (*Verbascum*) с желто-оранжевым цветком.

Тот же ряд «солнце+смех+цветок» вскрывается в сибилантном *ձի—ձիլ—ձալ*, откуда *ծաղ* (dag) «луч», «свет»; *ծաղի* (dagel) «рассветать», «восходить», «рождаться», *տաք* (taq) «тепло», *ծիծաղ* (dida) «смех», *ծաղրի* (dalil) «высмеивать», *ծաղիկ* (dalik) «цветок», *ծաղկոց* (dalkog) «цветник», *ծիլ* (dil) «росток» и т. д.

В связи с этим не лишне вспомнить жест ручной речи казахов армянок, обозначающий «солнце», в котором отразился тот же семантический ряд—возведение рук к небу с улыбкой на лице для «солнца», а также для «жизни», «тепла», «смеха» и «цветка».

Как видим, в приведенных примерах с достаточной наглядностью отражены семантические закономерности слов-единство противоположных значений, семантическая связанность понятий, законов функциональной семантики и т. д.

1. Отметим русскую параллель хс-хот (xor-xot), восходящую к термину Хорс (qors) «богу солнца» древних славян.

восходящие к первобытному, магически-астральному мышлению древних армян. Здесь мы вправе сказать вместе с Марром „... корни всего конкретно наметившегося языка и каждого конкретного языка на всем протяжении жизни человечества с изначального его бытия, корни каждого термина ...—когда речь о первичном его возникновении и строится, следовательно, генетический анализ с историей начал—находятся в мышлении и мировоззрении первобытного общества, т. е. тотемистическом мышлении“¹.

2) Магия слов

Учение о магической функции звукового языка на ранних ступенях его зарождения было впервые введено в учение о языке Марром: „Употребление первой звуковой речи не могло не носить характера магического средства, отдельные ее слова не могли не ценить как чародейство“², потому что новый звуковой язык имел свои особенности, производившие на первобытного человека сильное впечатление. Это—способность отпугивать словом вредных и опасных зверей, способность призывать человека на далеком расстоянии и, наконец, передавать словами свою волю и приказ. Словесная речь могла быть таким образом орудием самозащиты и обороны человека против злых сил (как и вредных животных), она имела и функции призыва (добрых тотемов, духов), но она в то же время осознавалась, как имеющая вредные, опасные для человека последствия, по сравнению с более древней, ручной речью. Звук выдавал присутствие и тайны человека его врагам, имел магическую силу, привлекающую к говорящему злых духов, демонов болезни и т. п. Отсюда всевозможные запреты—табу на произнесение имен злых сил (чудовищ, зверей), имен всяких болезней, имен умерших и т. д. Имя в представлении первобытного человека было самой вещью, ее реальным проявлением. Коснуться имени—значило коснуться самого существа, которое его носило. У Леви-

¹ Марр, В тупике ли история материальной культуры, 1938, ГА-ИМК, стр. 49.

² Марр, О происхождении языка, 1926, ИР. т. II, стр. 204.

Брюля собрано много примеров табу, запретов на звуковой язык у разных племен от Атлантического до Тихого океана. Другая разновидность магии слов—это приказ, пожелание, которые выполняются. Такая магическая сила приписывалась именам добрых божеств или злых сил. Отсюда вера в магическую силу проклятий, призывы с целью повредить другому (наговор), с целью защитить себя и других (оберег), различные заклинания, колдования словом и т. п.

Магическое значение и свойство слов выявляется также в крайне распространенном обычае употребления в магических и даже обрядовых и религиозных церемониях песнопений и формул, смысл которых больше не осознается. Современные первобытные племена крайне привязаны к этим песням, так как верят в их мистическое свойство, в их магическую действенность. Эти формулы сохранились и в народных сказках, в припевах и т. п.

Вера в магическую силу слова, восходящая к древнейшему мышлению человека, была сильно распространена и у древних армян, по свидетельству армянских историков V века и пережиточно сохранилась в народе и до наших дней. Магические заклинания, бормотания и т. д. вырабатывались в древней Армении колдунами, затем жрецами. Формулы этих заклинаний—призывов, оберегов, и т. п. произносились устно или писались на кусках пергамента или бумаги и зашивались в одежду или привязывались к руке, к домашним животным, чтобы предохранить их от бед, болезней, злых чар и т. д.

Обереги назывались в древнелитературном языке *զրաւանկը*, *գիր անհանձնութան* (защитное письмо), *անհանձնկը*, наговоры или освобождения от злого влияния назывались *հանձնը*, *կապ*, *կապի աղօթք* или просто *աղօթք* (молитва). Так, например, существовали: *քնակապ* (от потери мужественности), *լիզակապ* (от немоты), *աչքակապ* (от слеза) и др. Обереги были направлены к добрым духам с просьбой защитить человека от всякой беды и болезней, насылаемых злыми силами и чудовищами—*չարք*ами, *ալք*ами, *աւարկ*ами, различными вредоносными животными и насекомыми, которые приносят болезни—*զրաւանկ*, *գրչանկ*,

օձիկ, աղուհսուկ, խոյտուկ, խաղողիկ, աչկունք, խուլիկ և т. д. и т. п. Приведем несколько примеров таких заклинаний. От стадии космически-астрального мировоззрения сохранилась мольба к молодой луне նոր (ног), которой поклонялись, как доброму духу:

«նոր նոր տես դիս
գորտնուկ էկե կ'ուտա դիս
կեր գորտնուկ՝ չ'ուտա դիս» (от болезни

գորտնուկ) или:

«լուսին նոր շնահաուր,
իս մեղաուր, դուն թագաուր,
նստած բանիս բարաքաթ
կանգնած ջանիս հարաքաթ»¹,

обращение к звездам:

«ձեր պետ աստղունք, ոգնական պահապան
կայներ. Գարրել, Մուքայել հրեշտակներաց
հետ մե ազատեք հըմեն փորձանաց, չար
մարդուց, չոր սըհաթից»²

Закапывая в землю обрезки ногтей приговаривали:

«Ղունգ ղունգ էտի կաց
Աթամ ղուն վկա կաց
ի փուր հարցնիմ, հաղիր կաց»³:

Известно, что в первобытном мышлении человеческому телу—сердцу, печени, жиру, волосам, ногтям и т. д.—всему приписывалось определенное магическое влияние. Против дурного глаза повторяли три раза:

«չար աչքը չար փշին,
չար աչքը չար փշին
չար աչքը չար փշին»

или в древнелитературном языке:

«չար ահն ի չար փուշն
չար փուշն ի բարկ կրակն
բարկ կրակն ի քարն
քարն ի յանյառակ ծովն»⁴

¹ Тер-Александрян. *Թիֆլիսեցոյ մատուր կյանքը*, т. I, Тифлис, 1885, стр. 16.

² Срванстан, *Մանահ*, Конст., 1876, стр. 308.

³ Тер-Александрян, стр. 16.

⁴ М. Абегян, *Հայոց հին գրականության պատմություն*, Ереван, 1944, т. I, стр. 17.

Против злых сил и болезней:

«*իբ Խ Կ Ի իբ դարիւն*»

В народе и до сих пор говорят, положив ногу на новое платье:

«*իւ քի ճաշիմ, դուռն ինձ չէ*»¹

и многие другие.

Несомненно, по тексту все эти обереги, наговоры, заклинания и т. п. позднего происхождения, сюда часто вклиниваются имена христианских святых, ангелов и т. п., короткие тексты более архаичны, самые древние, конечно, не сохранились—но все они отражают пережитки древнейших стадий тотемизма, анимистических представлений и связаны с словесной магией первичных эпох развития армянского языка.

К древнейшей магии слов относятся и призывы-повторы, обращения к тотемам в магических и даже обрядовых, религиозных песнопениях и формулах. Повторность звукового комплекса вообще являлась у первобытных людей магическим средством. Марр замечает, что повторение одной и той же мысли, фразы не только у язычников, например, в клинообразных надписях вавилонских царей, но и у христиан в бесконечном повторении „господи помилуй“ и др. восходит к древнейшим призывам тотемов, духов, божеств и, наконец, бога, смотря по стадии развития. В первичных песнях, всегда общих, хоровых, когда еще не было звуковой речи, таким магическим звуковым комплексом могло быть лишь единственное членораздельное слово, впоследствии и название, и тотем данного племени-примитива.² Эти повторы-призывы сохранились в современных трудовых песнях армянского крестьянина, восходящих к коллективным трудмагическим песням первобытного коллективного труда. Древнейшие из них часто бессловесны и состоят из одной ритмически расчлененной мелодии, или же содержат припев, повторение отдельных слогов, элементов слов, восходящих к племенным тотемам. Из таких трудмагических

¹ Тер-Александрян, стр. 20.

² Марр, О происхождении языка, 1926, ИР, т. II, стр. 204.

песен широко известны армянские հոռոզիկ ы или հառազիկ ы — песни при пахоте. У армян сохранились следующие припевы: в песнях пахоты — hoy ravela a, hoho, horolo-lo, ravela ha, ravela a, — haralo, haralo, haralo — haravela, haravel и др.; в песнях сева: le le qan le le, — her, hor, her; в аробных песнях, так называемых հիհի' ах: el el, yer, el, yer, holel, heyel, в песнях молотбы: hor el, hor el, yol ho, yo, yol¹ и т. п.

Армянские հառազիկ ы, по указанию Г. А. Капанцяна, являются обращениями к богу растительности и земледелия — Ара. Атрибутом бога Ара, замечает Капанцян, является бык, как мы это видим на его каменных изваяниях. Наш земледelec вообще олицетворяет быка, называя его в песне «հրօ», как имя человека, и как бы обращается в его лице к богу Ара. Этот культ отражен и в песне Комитаса «հառի հրօ» (песня молотбы), припев которой напоминает церковный мотив обращения к богу «հրօրհաշ տէր» (подай господи), направленный как-будто к владыке Ара, чтобы он послал богатый урожай. Возможно, указывает Капанцян, что само հոռոզիկ произошло из доармянских слов, Արա Վիկ (ara vel), означавших «Ара, помоги» или «Ара, подай»².

На космической стадии аг, el были, как мы знаем, культовыми астральными терминами со значением «солнце», отложенными в целом ряде слов. Тот же тотем на анимистической стадии в земледельческом быту является божеством умирающим и воскресающим богом земледелия и растительности (Ара), к которому обращен тот же припев-призыв. Земледелие вообще переплетается с почитанием бога, божества, ибо само обрабатывание земли, все части земледельческого дела в мышлении человечества на начальной стадии его развития — это культовые предметы.

Вероятно, такой же призыв-обращение мы имеем в припеве армянской песни հիհիւր, призыв к հիւր «богине

¹ Примеры взяты из сборника А. Гавалаяна Հայ լիճակների տառապանքի հրգերից, Ереван, 1937 г.

² Г. А. Капанцян, Արա զեղեցիկի պաշտամունքը, Ереван, 1945, стр. 168.

воды». (пиг как божество воды сохранено в армянском *Երկիր* «моления (нимфа воды?)», а также в названии чучела *պիգրիկ* — pigil (пиг и pig), которое носят армяне во время засухи, чтобы вызвать дождь¹.

В армянском быту сохранились и древнейшие запреты-табу. Так, в народе избегают называть имена злых сил, чудовищ и т. д. и вместо них говорят *«մեղէ աղկկերը»* «те, что лучше нас». Об умерших говорят *«անդայալը»* «покойный», не называя его имени. О людях говорят *«էն հոգերը»*, буквально «тот, имеющий душу». У армян вообще любой термин может быть заменен словом *բան* «вещь», говорят *«էն բանը»*, чтоб не называть самого имени.

В народной речи, в связи с культом животных сохранено табу на названия некоторых из них. Так, олень назывался *հղերակ* «рогатый», так как был обычай табу на имена животных, за которым охотятся. Пчела называется *միտ* «медовая», от слова *միր* «мед», чтобы не называть имени пчелы во время сбора меда. Собака называется *կծող* «кусающая», осел — *միրաթափ* «вываливавшийся в золе», заяц — *անգալ րիկ* «наостривший уши» и т. п.

3) Идиоматические выражения

Пожалуй, нигде так полно и ярко не отражены отпечатки пройденных стадий развития мышления, как в идиоматических оборотах, выражениях, часто восходящих к древнейшим эпохам развития языка. Идиомы — это окаменелые, неразложимые словосочетания, отражающие конкретное, реальное содержание человеческого мышления той стадии, на которой они возникли. С переменой мышления это первичное конкретное содержание перестает осознаваться и такие обороты делаются непонятными человеку с другим мышлением, на другой стадии развития.

¹ См. Г. А. Капанцян, Хеттские боги у армян, Ереван, 1940, стр. 44 и след. Капанцян считает условным переход *a* в *u*, но по закону звуковых соответствий между ветвями ифетических языков мы имеем здесь закономерное чередование гласных в пределах субилантиной ветви *a=0* при плавном п.

Форма пережиточно сохраняется, но содержание переосмысливается, получает индосказательный смысл.

Армянский язык необыкновенно богат такими идиомами-оборотами, сохранившимися не только в живой, народной речи, но и в древнелитературном языке. Они отражают различные этапы развития, начиная с древнейшего космического культа астральных тел и кончая микрокосмическим осмыслением мира, отражают образное, конкретное, ручное мышление древних обитателей Армении.

Постараемся проанализировать несколько таких оборотов, связанных с космически-астральным мышлением.

Первобытный культ солнца, солнца-тотема, как мы видели на примерах семантических гнезд, прочно вошел в сознание древних армян. Поклонение солнцу, луне и звездам несомненно восходит к древнейшему мировоззрению первобытных обитателей Армении и нет, нам кажется, никаких оснований видеть в нем заимствования из персидского или греческого пантеона. Культ светил, а еще ранее неба, присущ всем первобытным народам с космическим мышлением. Солнце было для армян воплощением света, радости, смеха, рождения и жизни, и именно в этом значении сохранилось в многочисленных оборотах. Солнце — это «жизнь», «здоровье», «свидетель», «защита», «правда». Еще у древних армян говорили о смерти или убийстве *յարկէ արկանի*¹ «лишить жизни», буквально «бросить от солнца», *արկ կրել* «жить», буквально «носить солнце», *զարկ հանանի* «убить», буквально «лишить солнца». Смерть в молодом возрасте называлась *արկէտ փրճանիս*, буквально «умерший во главе солнца».

В надписи Багратидов сохранилось пожелание *արկշատի թրին*, т. е. «долгой жизни», буквально «много солнца»². И до сих пор в живой речи очень распространены пожелания долгой жизни *արկ երկայն լինի*, *երկայն արկ լինի*

¹ Примеры взяты из словарей: Амадуни, *Հայոց բառ ու բան*, Вагаршапат, 1912, Ачаряна, *Հայոց բառարանի բառեր*, Тифлис, 1913, Малхасяна, *Հայերեն բացատրական բառարան*, Ереван, 1944, а также из книги Тер-Алексаандриана, *Բիֆիլонիոսի մատուցած կյանքը*, Тифлис, 1886, стр. 89.

² Алишан, *Հին հայաստանի Հայոց*, Венеция, 1895, стр. 89.

«да будет длинно твое солнце (жизнь)», ласкательные просьбы *արևդ սիրեմ, եթէ արևդ սիրես* «ради солнца», «если любишь свое солнце (жизнь)», *արևիդ մեռնիմ* «да умру я для твоего солнца (ради тебя)» и т. д.

Солнцем клялись, солнце призывали в свидетели, зывали к его защите: *իմ ազիդ արևը գիտենայ* «да знает мое родное солнце», *արևս վկայ* «свидетель мое солнце», *արևս մեռնի* «да умрет мое солнце (если я солгал)», *իմ արևը* «клянусь своим солнцем», *էն դաթրած արևը գիտենայ* «да знает то усталое солнце» и т. д. На солнце (жизнь) насылались проклятия: *արևէդ խեր չտեսնիս* «не видать тебе счастья от своего солнца», *արևդ խավրի* «да затмится твое солнце», *արևդ սևանա* «да почернеет твое солнце» и т. д. *կարմիր արև* означает «счастливая жизнь», буквально «красное солнце», *կանաչ-արև* «молодость», буквально «зеленое солнце». Солнце—это «правда», *արդար* «правый» (*ardar* от *ar-di*, урартского «бога солнца»).

Интересно проследить стадии «клятвы», ярко отраженные в армянском языке. Клятва в сущности есть магическое заклинание. В связи с астральным культом солнца, армяне клялись, как мы видели, «солнцем». От той же стадии остались клятвы: *երկինքը գիտենայ* «клянусь небом», *էն բարի լույսը գիտենայ* «клянусь тем добрым светом», *էս օրվա օրը գիտենայ* «клянусь днем этого дня», *էս ճրագը վկայ* «свидетель этот огонь» («свет»←«солнце»). По вступлении в стадию земледельческой культуры появился культ хлеба, клялись хлебом и хлебными злаками. Так, у армян сохранилось *էս հացը գիտենայ* «клянусь этим хлебом», «да знает этот хлеб». При матриархате клялись матерью, как главой социальных взаимоотношений. Культ предков создал клятвы *իմ հօր գերեզմանը գիտենայ* «да знает могила моего отца», *իմ հօր հոգին գիտենայ* «да знает душа моего отца», наконец, клянутся богом *աստուծո՞վ վկայ* «свидетель бог». В конце концов тот же культовый предмет клятв превращается в свою противоположность, в богохульственные слова, в ругательства, как это видно

на примерах матерщины, поминания чорта (бог—чорт) и т. д.

С солнцем, светом, луной, связано у армян, как и у других народов, понятие красоты, например: *ազն ու արեգակն* означает «красавица», буквально «глаз и солнце», в тифлисском наречии говорят: «*էնէնց սիրուն է, որ մութը թափերին լույս է տալիս*» «так красива, что освещает темные стены», «*հրեղէն օրմին է*» «красавец», буквально «огненная личность», «*լուսի կտոր է*» «красавица», буквально «кусочек света» и т. д.

Небо со звездами также оставили следы в мышлении армян. В народе говорят: «*առաջին բնիկն է*» «умер», буквально «упала звезда», «*առաջին մարդ է*» «счастливый человек», буквально «человек со звездой», «*առաջին վառ*» «удачливый», буквально «с яркой звездой», «*առաջին Երան քանոն է*» «он мне нравится», буквально «моя звезда ловит его» и т. д.

Необыкновенно богат армянский язык выражениями, в которых отразился микрокосм человека. Названия частей человеческого тела (рука, нога, голова, глаз и т. д.) употреблялись в различных оборотах для выражения взаимоотношений человека, были связаны с его бытом, трудом, настроением и т. д. В этих оборотах сохранились глубокие следы первичной образности, конкретности восприятия, когда человек выражал свои эмоции и ощущения путем описания их внешних физических проявлений.

Огромное количество таких оборотов связано с рукой. Рука вообще оставила в речи человека богатые отложения, восходящие к ручной речи. «Ручной язык не только давал возможность выражать свои мысли, образы-понятия и общаться с коллективом, но и развивать представления, как средство общения с чужим и своим племенем и затем также его отдельными членами уже в интимных подробностях личной жизни», — говорит Марр¹.

С *рукой* связано в армянском языке много значений. Рука—это «сила», «мощь», «власть», «защита», «помощь», «работа», «борьба» и т. п. Древнелитературное *բռնակ անկուօր*

¹ Марр, О происхождении языка, 1926, ИР, т. II, стр. 202.

начает «овладеть», буквально «взять руку», *ի բաց կալի ձեռանէլ որոր* «восстать», «взбунтоваться», буквально «выйти из чьей-либо руки», *ձեռամբ լինել* «мочь», буквально «быть с рукой», *ձեռն արկանել* «предпринять», «начать», буквально «ударить рукой», *ձեռնել* «тронуть», буквально «ручить», *ձեռք զալ* «встретить», буквально «прийти к руке», *ձեռքաշուք* «ремесло», «мастерство», буквально «вода руки», *ձեռք ու սոր անել* «быстро работать», буквально «делать рукой и ногой», *սիրուցը երթալ* «потерять», буквально «уйти с ладони» (*սիր* — «ладонь», «рука») и т. п. Рука выражает и социальное положение человека: *ձեռքը լիքը*, *ձեռքը տար* означает «богатый», «имущий», буквально «с полной рукой», «с горячей рукой» и напротив — *ձեռքը դատարկ*, *ձեռքը կարճ* «бедный», «неимущий», буквально «с пустой рукой», «с короткой рукой» и т. д.; характеристику людей: *ձեռքը զոց* «скупой», буквально «с закрытой рукой», *ձեռքը բաց*, *ձեռնարաց* «щедрый», буквально «с открытой рукой», *ձեռքը ծուռ* «вор», буквально «с кривой рукой», *ձեռներէց* «предприимчивый», «человек с инициативой», буквально «человек с рукой» и т. п.; взаимоотношения людей: *ձեռքը կապել* «не разрешить», буквально «завязать руку», *ձեռք մեկնել* «помочь», буквально «протянуть руку»; в живой речи *ձեռք բռնող չունի* «у него нет помощника» означает буквально «не имеет хватающего за руку», *ձեռք վրան չեկալ* «потерпел неудачу из-за тебя», буквально «твоя рука не пришлась по мне», *ձեռք տալու բան է* «полезная вещь», буквально «вещь, которую можно тронуть рукой», *ձեռքից զնալ* «лишиться», буквально «уйти с руки», *ձեռք վերցնել* «отказаться», буквально «отвести руку» и т. д. Рука выражает и время: *ձեռնէ ձեռն*, *ձեռաց* «сейчас», «сию минуту», буквально «от руки к руке» и много других.

С ногой связаны понятия, имеющие в основе конкретное, зрительное восприятие действий: *ստանալը բռնել* «умолять», буквально «броситься в ноги», *ստանալը ձգել* «умереть», буквально «вытянуть ноги», *սոր տակ փորել* «вредить», буквально «копать под ногой», *ստ տալ* «подбодрить», «воодушевить», буквально «дать ногу (подставить)», *ստ բռնել* «злословить», буквально «держат за ногу», *սոր զնալ*,

գնաց նրա սիր «пошел за ним...» «за его ногой», սիրն տեղ տեղ «устроиться на работу», буквально «сделать место для ноги», սիր կախ դնել «медлить», «мямлить», буквально «повесить ногу», «волочить» и т. д.

Много идиоматических выражений связано в армянском языке с головой. Голова осмыслялась в первобытном мышлении, как олицетворение всего тела и самого человека. И сейчас у первобытных народов самый ценный трофей—это голова убитого врага. К голове восходят понятия о жизни и смерти человека, о его личности в целом. В диалектах распространены следующие обороты: գլուխը մեռնի «чтоб ты умер», проклятие—«да умрет твоя голова», գլուխը վախ դնել «умереть», буквально «положить голову вниз», գլուխը ետ դնել «пожертвовать собой», буквально «отложить голову», գլխից ձեռք առնել «отказаться от жизни», буквально «отвести руки от головы», գլուխը ազատ բացառություն «да живет твоя голова» и т. д. С головой связано и выражение печали, горя, траура: գլուխը հող տալ буквально «посыпать голову землей», գլխին տալ, գլխին ձեռք տալ «быть в отчаянии», «горевать», буквально «бить себя по голове» и т. д. Головой выражается понятие времени, меры—древнелитературное տարի գլուխը означает «целый год», буквально «год до головы», էն գլխէն «с начала», «с того, времени», буквально «с той головы», գլխէ գլուխը «целиком», «от края до края», буквально «от головы до головы», գլուխը լցնել «наполнить», буквально «оголовить», древнелитературное ի գլուխը տալ «окончить», буквально «довести до головы», գլուխը գլուխը «вместе», буквально «голова к голове» и другие.

С глазом и сердцем связан эмоциональный мир человека, его чувства, переживания и настроения: աչքը ջուր կտրել «долго ждать», буквально «превратить глаза в воду», աչքը փրփր տալ «стал тосковать», буквально «глаз остался на нем», աչքի փուռ, աչքի գրգռ «ненавистный», буквально «шип глаза», «злой дух глаза», աչքը հանել «отомстить», буквально «вынуть глаз», աչքը խառնել «заставить себя полюбить», буквально «войти в глаз», աչքը կտրվել «испугался», буквально «сломался глаз», աչքի դիպակ «оскорбил»,

буквально «коснулся глаз», *աչքից դնել* «разлюбил», буквально «сбросил с глаз» и т. п. Глаза выражали и характеристику людей: *աչքը կոշտ* «заячиточный», «довольный», буквально «с сытым глазом», *աչքը ծակ* «жадный», буквально «с дырявым глазом», *աչքը բաց* «смышленный», «умный», буквально «с открытым глазом» и т. д.

Выражение внутренних эмоций непосредственно связано с *сердцем*: *սիրտ տալ* «воодушевить», буквально «дать сердце», *սիրտը բարակ* «чувствительный», буквально «с тонким сердцем», *սիրտը եղ կապել* «обрадовался», буквально «сердце покрылось жиром», *սիրտը փոքր ընկալ* «испугался» буквально «сердце упало в живот», *սիրտը պակասել* «огорчился», буквально «сердце убавилось» и т. д.

Интересны обороты, связанные с животным миром, в которых движения животных перенесены по аналогии на людей и применены к разговорному обиходу человека. В них отражены и пережитки тотемистического культа животных, игравшего в Армении большую роль. Приведем несколько примеров: древнелитературное *եղջեր տնել* «лезть в драку», буквально значит «двигать рогами», *քիթ քրթ տալ* «подружиться», буквально «сблизить нос к носу», *պոչ տնել* «поссориться», буквально «сделать хвост», *պոչ թեթել* «избегать чего-либо», буквально «отвести хвост в сторону», *պոչ խաղաղնել* «притворяться», «дурачить», буквально «играть хвостом», в народе говорят *գլխի մաղ կա վրան* «он счастливый», буквально «на нем волчий волос» в т. п. К тотемистическому культу восходят идиомы, отражающие пережитки жертвенного ритуала: *գլխին աղ դնել* «убить», буквально «положить соль на голову» (жертвенному животному посыпали голову солью), *աղանջը կտրել* «убить», буквально «отрезать ухо» (у жертвенного животного отрезают кончик уха), *բերանը աղ տնել* угроза побить, буквально «насыпать соли в рот» (жертвенную овцу кормят солью) и т. д.

В армянском языке сохранился древнейший оборот, восходящий к дородовому культу пердков и теперь совершенно непонятный. Так, например, говорят: *սխիս ևստում է*, *մերթի ծամում է* «злословит», «клеветает», буквально «ест,

жуе́т мое́ мя́со», *q̄d̄r̄r̄ d̄r̄r̄n̄ p̄m̄b̄l̄* «оскорбить», «насплетничать», буквально «съесть мясо с головы», *d̄l̄q̄ d̄l̄q̄n̄ d̄r̄r̄n̄* *l̄n̄ p̄m̄b̄l̄* «ссорятся», буквально «едят мясо друг у друга», *q̄d̄r̄r̄ q̄d̄r̄n̄q̄* «сжил его со свету», буквально «съел его голову» и т. д. Как известно, у многих первобытных народов существует обычай сдирать мясо со своих покойников, может быть и поедать его. Гейсон (S. Gason) так описывает обряд погребения у племен Диери: «В могилу прыгает один из туземцев и начинает срезывать с трупа весь жир, покрывающий мускулы лица, бедер, рук и живота, и передает эти куски жира присутствующим, которые его поедают. Смысл этого ужасного обычая в том, чтобы ближайшие родственники покойного могли скорее его позабыть и не плакать по нем (S. Gason, On the tribes Dieyerle, Aumilie etc).¹

Трудно сказать, существовал ли подобный обычай у древних обитателей Армении, так как до нас не дошло других следов, кроме идиоматических оборотов. Возможно, что некоторые из них отражают жертвенные обряды (поедание мяса жертвенного животного), на позднейших стадиях осмысливаемое, как отрицательное враждебное действие. Однако, следует заметить, что осмысления по аналогии — позднейшее явление. Как видно, первоначально оборот имел вполне конкретное содержание — поедание мяса своего сородича.

Из рассмотренных идиоматических оборотов армянского языка несомненно многие сходны с идиомами других народов. Однако было бы ошибочным считать их заимствованиями и кальками. Одинаковая форма выражения, присущая различным языкам, рождается одинаковым мышлением сходных стадий развития, сходного быта и сходного мировоззрения людей. Да и заимствования лишь тогда удерживаются в языке, когда находят подходящую почву в языковом мышлении данного народа. Наконец, во многих случаях оказывается совершенно невозможным установить, кто у кого заимствовал.

¹ Тахтарев, Очерки по истории первобытной культуры, М. Л. 1922, стр. 76.

На этом мы заканчиваем обзор пережиточных явлений, сохранившихся в лексике и идиомах армянского языка. Примеры, приведенные нами, немногочисленны, однако они позволяют судить об отражении общих закономерностей языка-мышления в их стадияльных трансформациях и в армянском языке. Как мы видели, в армянском языке сохранился древнейший полисемантизм слов, сохранились семантические ряды с различным стадияльным осмыслением одного и того же элемента, сохранились яркие примеры первичной магической функции звукового языка. Наконец, в идиомах отразился образный, конкретный характер мышления первобытного человека, тесная связь понятий с членами человеческого тела, как выражение микрокосмического осмысления мира.

Заключение

В вышеизложенных главах мы попытались рассмотреть некоторые пережитки первобытного мышления, сохранившиеся до настоящего времени в армянском языке. Следует отметить, что многие приведенные здесь факты, относящиеся к грамматическим категориям и особенно к этимологиям армянского языка, как известно, по-прежнему освещаются в трудах арменистов-индоевропеистов. Однако в задачи настоящей работы не входило дать развернутую критику их высказываний именно потому, что сама работа во всех своих установках и исходных положениях уже является антитезой теорий индоевропеистов. Не затронуты в исследовании и взгляды индоевропейской школы в целом, так как школа эта не занималась вопросами мышления в связи с языком, на что прямо указывает тезис Соссюра: „La linguistique a pour unique et véritable objet la langue envisagée en elle-même et pour elle-même“.¹

[Языкознание имеет единственным и истинным предметом изучения язык, рассматриваемый в самом себе и для себя.]

¹ T. de Saussure, Cours de linguistique générale, Paris-Lausanne, 1916, стр. 317.

жует мое мясо», *դիմի միմի* «оскорбить», «насплетничать», буквально «съесть мясо с головы», *մէկ մէկու միմի էն ուտուի* «ссорятся», буквально «едят мясо друг у друга», *դիմի կերուի* «сжил его со свету», буквально «съел его голову» и т. д. Как известно, у многих первобытных народов существует обычай сдирать мясо со своих покойников, может быть и поедать его. Гейсон (S. Gason) так описывает обряд погребения у племен Диери: «В могилу прыгает один из туземцев и начинает срезывать с трупа весь жир, покрывающий мускулы лица, бедер, рук и живота, и передает эти куски жира присутствующим, которые его поедают. Смысл этого ужасного обычая в том, чтобы ближайшие родственники покойного могли скорее его позабыть и не плакать по нем (S. Gason, On the tribes Dieyerle, Auminle etc).¹

Трудно сказать, существовал ли подобный обычай у древних обитателей Армении, так как до нас не дошло других следов, кроме идиоматических оборотов. Возможно, что некоторые из них отражают жертвенные обряды (поедание мяса жертвенного животного), на позднейших стадиях осмысливаемое, как отрицательное враждебное действие. Однако, следует заметить, что осмысления по аналогии — позднейшее явление. Как видно, первоначально оборот имел вполне конкретное содержание — поедание мяса своего сородича.

Из рассмотренных идиоматических оборотов армянского языка несомненно многие сходны с идиомами других народов. Однако было бы ошибочным считать их заимствованиями и кальками. Одинаковая форма выражения, присущая различным языкам, рождается одинаковым мышлением сходных стадий развития, сходного быта и сходного мировоззрения людей. Да и заимствования лишь тогда удерживаются в языке, когда находят подходящую почву в языковом мышлении данного народа. Наконец, во многих случаях оказывается совершенно невозможным установить, кто у кого заимствовал.

¹ Тахтарев, Очерки по истории первобытной культуры, М. Л. 1922, стр. 76.

На этом мы заканчиваем обзор пережиточных явлений, сохранившихся в лексике и идиомах армянского языка. Примеры, приведенные нами, немногочисленны, однако они позволяют судить об отражении общих закономерностей языка-мышления в их стадияльных трансформациях и в армянском языке. Как мы видели, в армянском языке сохранился древнейший полисемантизм слов, сохранились семантические ряды с различным стадияльным осмыслением одного и того же элемента, сохранились яркие примеры первичной магической функции звукового языка. Наконец, в идиомах отразился образный, конкретный характер мышления первобытного человека, тесная связь понятий с членами человеческого тела, как выражение микрокосмического осмысления мира.

Заключение

В вышеизложенных главах мы попытались рассмотреть некоторые пережитки первобытного мышления, сохранные до настоящего времени в армянском языке. Следует отметить, что многие приведенные здесь факты, относящиеся к грамматическим категориям и особенно к этимологиям армянского языка, как известно, по-иному освещаются в трудах арменистов-индоевропеистов. Однако в задачи настоящей работы не входило дать развернутую критику их высказываний именно потому, что сама работа во всех своих установках и исходных положениях уже является антитезой теорий индоевропеистов. Не затронуты в исследовании и взгляды индоевропейской школы в целом, так как школа эта не занималась вопросами мышления в связи с языком, на что прямо указывает тезис Соссюра: „La linguistique a pour unique et véritable objet la langue envisagée en elle-même et pour elle-même“.¹

[Языкознание имеет единственным и истинным предметом изучения язык, рассматриваемый в самом себе и для себя.]

¹ T. de Saussure, Cours de linguistique générale, Paris-Lausanne, 1916, стр. 317.

То же самое утверждает даже глава социологической школы Мейе: *Toute étude linguistique doit partir de la forme... l'effort le plus grand qu'on puisse faire pour exposer la langue en partant de la pensée aboutit à rompre et à disloquer le système propre de la langue qui est précisément la réalité pour le linguiste.*¹

[Всякое лингвистическое исследование должно исходить из формы... усилие разъяснить язык, исходя из мышления, приведет лишь к ломке и расчленению собственной системы языка, которая как раз и является реальностью для лингвиста.]

Как видим, индоевропейская школа, даже в лице лучших своих представителей, не придает никакого значения изучению мышления, с которым неразрывно связан язык.

В заключительной части мы хотели бы лишь подвести итоги и дать общий обзор исследованных материалов, а затем постараться сделать некоторые выводы.

Прежде всего к древнейшим стадиям развития языка относится сохранившаяся в Армении ручная речь армянских женщин, которая в некоторых древнейших переживаниях несомненно сохранила первобытное восприятие человеком окружающего мира. В оборотах звукового языка мы постарались найти пережитки ручной речи; ярче всего это вскрылось в диал. *Բռնիլ*, т. е. «ручить», где отражена одна из основных семантических закономерностей — переход названия по функции. Название руки, как средства общения перешло на понятие речевого общения в звуковом языке. Другие обороты сохранили те же средства выражения — описывать и рисовать положения, движения и т. д. — что употребляется и языком жестов.

Образное конкретное мышление первобытного человека отразилось в богатых описательных формах глагола-предиката, которые передают зрительное восприятие действия.

Реликты первобытного мышления вскрываются в синтаксисе народного языка, где мы встречаем более ар-

¹ Bulletin de la Société de linguistique, Paris, т. 29, вып. 2, стр. 60.

хаичный порядок слов, более примитивный строй предложения, в отличие от древнелитературного языка.

К первобытному восприятию мира восходят безличные предложения армянского языка, в которых действующим лицом является тотем, дух, оказывающий враждебное или дружественное воздействие на природу и человека. Пережиточные стадии первобытного мышления налицо и в пассивной конструкции предложения, сохранившейся в древнелитературном языке. Она восходит к тотемистической стадии развития человеческого мышления, когда человек не осознавал себя действующим лицом, а приписывал свои действия тотему-духу.

В морфологии реликты первичных стадий развития языка сохранились в образовании возвратных местоимений, восходящих к термину «рука». В древнелитературном языке ярко выявлено местоименное сопровождение имени в так называемых определительных членах, которые указывают на первоначальную конкретность понятия. Определительные члены указывают одновременно на притяжательность и являются указательными местоимениями. В генезисе они восходят к тотемам, так как на этой стадии развития человек не осмыслял себя вне своего тотема, вне своего племени-коллектива.

Местоимения играют огромную роль в армянском склонении и спряжении. Они взрывают первичную недифференцированность имени-глагола, которые не различались без местоименных аффиксов. Падежные окончания армянского склонения восходят к местоименным основам и являются более древними, чем внутренняя флексия. Окончания спряжения армянских глаголов также являются местоимениями, придающими основе глагола личное и временное выражение.

К тотемистической стадии восходит вспомогательный глагол «быть», в основе которого вскрывается название «руки». На этой стадии существование чего-либо осознавалось лишь как нахождение в чьей-либо руке, власти. Поэтому армянский бытийный глагол «есть» означает одновременно

«иметь». Название руки еще ранее было названием космического тотема. На армянском бытийном глаголе *h₁* можно проследить стадияльные переходы от космически-астральной стадии к микрокосмической и формально-логической.

Пережитки ручного мышления вскрываются в образовании армянских числительных, которые восходят к термину «рука». Конкретность первичных числительных отражена в народных нумеративных словах, обозначающих части человеческого тела: рот, голову, руку, ноги и т. д.

Названия частей тела вскрываются также в армянских предложениях *гесп.* послелогах, которые в своем образовании отражают мышление человека доисторических эпох.

Словообразовательные элементы армянского языка — показатели множественности, суффиксы *բրդի, լսի* и другие, а также аморфность имен также восходят к древнейшим стадиям. Мы видим, как одна и та же образовательная частица несет функции местоимения и множественного числа. Она же служит для образования падежных окончаний и оттенков действия. Один и тот же показатель оформляет множественное число у имен, глаголов и местоимений. Все эти частицы восходят к самостоятельным словам синтетического периода в их семантическом развитии *рука* → *тотем* → *коллектив-племя* → *дитя, сын* → показатели множественного числа.

В лексике мы постарались привести примеры полисемантизма слов, т. е. наличия множества значений одного корня, восходящего к магическому мышлению древних армян, а также семантических гнезд с цепью значений, связанных в первобытном мышлении.

Реликты первичных стадий развития звукового языка сохранились в магической функции слов, отраженной в многочисленных заклинаниях — наговорах, оберегах и т. п., бытующих среди армянского народа и до настоящего времени. К ним же относятся и призывы тотемов, *гесп.* богов, которые вскрываются в трудовых песнях армянского крестьянина (*հանիվի* «ы и т. п.).

Наконец, пережитки первобытного мышления вскрываются в идиоматических оборотах армянского языка, отражаю-

щих микрокосмическое и тотемистическое мышление древних армян.

Конечно, мы не можем говорить в данной работе о полнейшем охвате всего материала, который дает армянский язык. Так, нами совершенно не затронута фонетика армянского языка, также сохранившая отложения различных стадий развития звуковой стороны речи, так как этот раздел может служить темой для специального исследования. Но и приведенные материалы рисуют определенную картину первичного осмысления мира отдаленных наших предков и позволяют сделать некоторые выводы.

1. Наличие в армянском языке доисторических переживаний, вскрывающих не только формацию, но и идеологию действительно первобытных эпох и сохранившихся рядом с развитым флективным строем индоевропейской системы с логическим мышлением говорит о стадильном развитии армянского языка, прошедшего в своем образовании первичные глоттогонические эпохи, связанные со сменами мировоззрения, с общим развитием доисторической и исторической жизни армянского народа.

Как известно, учение о стадильном развитии, являющееся краеугольным камнем нового учения о языке, показало, что развитие языка находится в несомненной зависимости от развития говорящего на нем человеческого объединения; поэтому, с изменением материальных потребностей людей, с изменением их мышления может измениться и их разговорная речь. Резкие перемены в структуре коллектива не создают язык заново, но ведут лишь к трансформации уже существующей языковой системы согласно с новыми потребностями общества. Таким образом, переход из одной системы в другую не является результатом внедрения нового народа. Как на пример, можно указать на то, что речь урартских клинописных текстов сохранила в пассивной конструкции переходных глаголов нормы яфетической стадии развития, но в то же время, по утверждению Марра, урартский язык уже нарушен в цельности своей языковой структуры нормами индоевропейской речи, притом нарушен еще в IX в. до н. э.,

когда о внедрении в Переднюю Азию индоевропейских племен не говорят даже историки Древнего Востока.¹

Армянский язык, который сохранил в себе реликты древнейших стадий развития языка наряду с новейшей типологией несомненно отразил тот общий фон, на котором развивалась доисторическая и историческая жизнь армянского народа. В силу особой исторической обстановки, связанной с географическими условиями страны, древняя Армения в своем развитии представляла резкую, контрастную картину. Здесь, рядом с цветущими и развитыми феодальными городами с высокой национальной культурой сохранились глухие первобытные деревни с родовым строем, со своими племенными языками, рядом с кружевными хачкарами лежали огромные каменные вишапы и остатки мегалитических городищ—долмены и кромлехи, рядом с блестящим красноречием Григория Магистра еще бытовала древняя ручная речь, с примитивным мышлением. Это контрастная картина сохранилась, как мы видели и в языке армянского народа.

На протяжении всей своей доисторической и исторической жизни армяне приходили в соприкосновение с многочисленными племенами и народами, бытовавшими на соседних территориях, скрещивались, сливались, подвергались влиянию и сами влияли на многочисленные племенные языки населения Армянского нагорья. Об этом говорит многообразие элементов для одного и того же понятия—принадлежность различных племенных групп. Но среди всех этих изменений основное ядро языка, еще ранее сложившееся из многих племенных языков, несомненно сохранялось. Постепенно трансформируясь в результате внутренних социальных преобразований армянского народа

¹ Марр, Археологическая экспедиция 1916 года в Ван, 1922, стр. 81. Существа дела не меняют вскрытые после опубликования данной работы Марра хеттские материалы, так как сам „индоевропейзм“ хеттского языка под большим сомнением. В лучшем случае хеттский переживал точно такой же процесс трансформации в индоевропейскую стадию, как и урартский. Может быть в этом процессе хеттский продвинулся несколько дальше урартского, так как находился в близком соприкосновении с ионийским и пеласго-этрусским культурными мирами.

(смена матриархата патриархатом, зарождение феодальных отношений и т. д.) армянский язык частично перешел на новую, индоевропейскую стадию развития и приобрел характерные грамматические особенности флективной типологии, одновременно сохранив пережиточные явления прежних стадий развития.

2. Реликты первобытного мышления, отраженные в армянском языке, тесно связаны с местом зарождения и бытования этнического ядра армян. Наличие пережитков этой первичной стадии развития армянского языка говорит о древнейшем образовании армянского народа со своим мировоззрением и языком, который развивался на самом Армянском нагорье.

Как известно, в индоевропейской лингвистике армянский язык принято относить к индоевропейской семье языков. По наиболее распространенной теории армяне являются переселенцами из западных областей Малой Азии индоевропейским племенем арменов, которое привнесло о собой одну из ветвей общего индоевропейского языка.

В настоящее время такой взгляд совершенно устарел. В новейшей научной литературе все настойчивее высказывается мысль о том, что возникновение армян следует рассматривать, как процесс качественного переоформления отдельных этнических групп Передней Азии. Армяне в своем основном этническом ядре образовались на Армянском нагорье и не являются пришельцами¹. Это мнение всецело оправдывается и материалами армянского языка. Реликты первобытного мышления, сохранившиеся не только во всех областях армянского языка — синтаксисе, морфологии, лексике, но и в верованиях, обрядах и памятниках материальной культуры армянского народа до такой степени связаны с Армянским нагорьем, его флорой и фау-

¹ См. статью Г. Капанцяна „К происхождению армянского языка“. Изв. АН Арм. ССР, 1946 г., №7, его же доклад на сессии АН Арм. ССР „Хаяса — колыбель армян“, а также работу Б. Б. Пиотровского „Происхождение армянского народа“, Ереван, 1946 год, и А. С. Гариб-яна „Հայ ժողովրդի առաջնական պարզեցումը և զարգացումը“, Изв. АН Арм. ССР, 1946 г., № 9.

ной и народами, его населявшими, что говорить о при-
внесении этих пережитков пришельцами—индоевропейскими
племенами, не представляется возможным. Следовательно,
для того, чтобы уяснить значение и причину разнообраз-
ностей грамматических категорий и их внешнего выражения
в армянском языке, нужно исходить из единства глотто-
гонического процесса в неразрывной связи со сменой норм
мышления, нужно исходить из внутренних условий пере-
стройки самого населения на месте, а не искать причину
перерождения яфетической системы армянской речи в
индоевропейскую в переселении каких-то индоевропей-
ских племен или в заимствованиях.

Армянский язык имеет таким образом самостоятель-
ную историю развития, основанную на общих законах дви-
жения речи.

Мы должны добавить что изучение армянского языка
в свете новой арменистики, заложенной Марром, за пос-
леднее время с трудом, но пробивает толщу индоевропей-
ских построений и националистических теорий ученых ста-
рой формации. В этом смысле особенно следует отметить
роль проф. А. С. Гарибяна, первого, развернувшего сис-
тематическую борьбу со старым языковедением, и выдви-
нувшего во всей широте вопросы, связанные с генезисом
и развитием армянского языка в свете учения о стадияль-
ном развитии.¹

3. Черты архаической типологии в армянском языке
наглядно отражают стадияльные расхождения в армянском
языке и являются новыми фактами, подтверждающими об-
щее учение Марра. Мы проследили, как тесно связано раз-
витие языковых форм, развитие грамматических категорий
в армянском языке с мышлением человека. Реликтовые
пережитки полностью подтверждают учение о едином
языкотворческом процессе со стадияльными сменами, обус-

¹ См. Работы А. С. Гарибяна, Հայագիտութեան պատմութեան հիմ-
նական փուլերը, 1945 г., Նյութեր հայոց լեզվի պատմութեանը, 1945 г.,
Քրաքարի հոլովական սխեմի մասին, 1946 г., Մարր և հայերենի ուսում-
նասիրութեան նոր դրվածքը, 1946 г., Հայ ժողովրդի պատմութեան սկզբնա-
գործին շրջանը, 1946 г., Հին և նոր հայագիտութեան, 1946 г. и другие.

ловленными резкими сдвигами в самом человеческом сознании. Пережитки, прослеживаемые и в словарном запасе и в самой структуре речи армянского языка, являются наиболее убедительным доказательством положений палеонтологии речи о первообытном мышлении в его неразрывной связи с языком. Они дают яркие иллюстрации семантических закономерностей речи и рисуют наглядную картину словотворчества доисторических эпох, когда понятия связывались друг с другом не логическим, а образным мышлением.

Армянский язык представляет особый интерес для лингвиста, так как благодаря специфическим стадияльным особенностям, на нем можно наглядно проследить стадии развития глоттогонического процесса, проследить, как одна формация переходит в другую, преобразуясь в диалектическом единстве противоположностей, как одна типология речи трансформируется в другую. Изучение армянского языка в свете яфетидологии вносит таким образом ценный вклад в общую науку о языке. В этом отношении армянский язык имеет значение, далеко выходящее за пределы интересов одной арменистики.

